

Марьяна Брай

Доля ангелов

Annotation

Мне не повезло в моей прошлой жизни, но мне дали шанс прожить еще одну. Я стала дочкой советника короля, но мое счастье длилось не долго, да и счастье ли, когда в королевстве сплошные интриги? И мне пришлось обосноваться там, где нет никаких благ – мне пришлось начать на пустой земле. Тайны королевства я случайно забрала с собой, и они, скорее всего, добавят мне неприятностей, но пока у меня другие планы – обустроить свой быт, и я уже знаю чем буду заниматься, и знаю, что смогу всё! Всё и еще немножко!

Доля ангелов

Автор: Марьяна Брай

Глава 1

Был жаркий июньский день, город кипел, работа вытягивала силы как вытяжка вытягивает горячий пар над плитой в ресторане. Моя жизнь всегда была не сахаром, но тогда я не знала, что все в этой жизни зависит от нас. Мы с подругой снимали квартиру, и в один из выходных отправились купаться. Взяли с собой вино, которое поднимало настроение, заставляло видеть жизнь более яркой и доброй. И мы плавали по очереди, чтобы кто-то из нас мог следить за вещами.

В воде стало жать грудь, и слова словно застряли чуть выше пупка. А выше, до самого рта все было занято обидой, и мои мысли «помогите, я тону», не смогли пробиться из-под этой груди обиды в горле, и стать словами. Я опускалась на дно, а вокруг, мне казалось, плавали зеркальные карпы которых разводил в озере мой дед...

Запахло жутким одеколоном, похожим на «Шипр», которым щедро поливал свою шею наш сосед дядя Гоча. Он заезжал за вином деда, когда ехал в город «на свидания», как говорила моя бабушка. Пахло одеколоном и сыростью одновременно.

– Она очнулась, слава Богу, она пришла в себя, – голос принадлежал лысому, толстенькому мужчине, что сидел в кресле возле кровати, где я лежала. Все было какое-то слишком шикарное, даже помпезное. Бордовое одеяло, балдахин над кроватью, слишком тяжелые бордовые с бежевым шторы, в которых, скорее всего, тонна пыли.

– Что случилось? – я услышала свои слова, но была уверена, что мозг подготовил для этой ситуации «какого хрена?». Я попробовала снова произнести заготовленное словосочетание, но язык повторял и повторял «что случилось». Одеколоном пахла салфетка, что лежала у меня на лбу.

– Вы упали с лошади, которую испугал подлый Дюбар, и три дня были в забытьи, но ноги и руки у вас целы. Попробуйте осторожно повернуться на бок, – мужчина помог мне повернуться. Ничего не болело, хотя тело затекло, и хотелось в туалет.

– Как вас зовут, и где туалет? – я попробовала сесть, но он не позволил мне.

– Сейчас я отправлю к вам служанку, мисс Лора, – он подскочил и выбежал за дверь.

Лора? Серьезно? Что он несет? Сердце забилося словно воробышек. Я посмотрела на свои руки, ноги, потрогала лицо. Они были не моими – девушка была явно моложе. Да что уж там, сильно моложе! Может двадцать, или около этого? Где зеркало, где здесь зеркало? Я оглядывала комнату. Но не нашла ничего нужного.

– Мисс Лора, слава Богу, вы живы, вы снова с нами, доктор побежал к вашему отцу, чтобы сообщить ему, он вчера так плакал, что пришлось дать ему сонной травки, – девушка, что вбежала в комнату, сразу начала говорить, но манера была как у плакальщицы – она больше причитала, и явно притворялась. У нее были большие лисьи глаза, темные волосы и полные, словно нарисованные губы.

– Как тебя зовут? – она начинала бесить этим своим нытьем, и казалось, что именно от него начинает болеть голова.

– Я Саурита, мисс, вы не помните меня? – она уже было снова начала подвывать, но это в мои планы не входило.

– Саурита, хватит выть – никто не умер, и пока не собирается, говори нормально. Где у нас туалет и где у нас зеркало? – я села в кровати и комната немного «поплыла», но два глубоких вдоха починили картинку перед глазами, и я спустила ноги на пол. Так,

спокойствие, Ляля, не дрейфь.

– Вот здесь, мисс, сюда, – она вела меня в комнатку по соседству, где стоял деревянный «трон» с дыркой в сиденье. Отлично, привет, деревня моего детства. Могли бы и на улице организовать это архитектурное сооружение. Под тронем стояло ведро. А тронем я окрестила его совсем не зря – спинка была на две головы выше моей, под руками были резные подлокотники, под ногами пушистый белый ковер. Лакшери клозет, не иначе. Королева желает уединиться. Да чтоб вас, вы шутите?

– Выйди, оставь меня на минуту. Принеси пока в комнату зеркало пожалуйста, – я сидела в кресле и оглядывала туалетную комнату. Моя комната, что я снимала с соседкой была в три раза меньше. Я что, королева? Или принцесса? Ну, я же попросила быть богатой! Но у кого? Я точно помню, что просила стать красивой. Я потянула кудрявый локон к глазам – волосы были ниже лопаток. Он был темно-каштанового, почти шоколадного цвета. Они же обещали, что я буду красивой, они обещали! Я должна быть блондинкой!

– Мисс, мы принесли ваше зеркало, человек из ордена велел убрать его из комнаты пока вы болели, чтобы духи не смотрели на вас и не забирали силы, – я вышла из туалетной комнаты и уперлась в ростовое зеркало, вернее, в его заднюю часть. Оно было огромное, на подставке и двух огромных ножках. Саурита с каким-то мужчиной сейчас двигали его к стене. "Чтобы духи не забирали силы", ага, прямо беда, а не Саурита. Что за имя дурацкое?

– Саурита, выйдите оба, но не уходи далеко, – я проследила чтобы они вышли и медленно начала поворачиваться к зеркалу. На меня смотрела девушка лет семнадцати – девятнадцати. Если бы не грудь, можно было дать и пятнадцать. Шоколадные волосы, карие глаза, пухлые щеки с ямочками, ладная фигурка и красивая улыбка. Ну, в принципе, очень даже не плохо. Хотя, могли бы и блондинкой сделать, жалко им было?

Я покрутила головой, чтобы удостовериться, что это мое отражение. Она повторила мои движения. Мда, понятия о красоте у людей разные. Надо было конкретнее говорить. Я была черноглазой брюнеткой, только волосы были темнее, кудрявее. И все красивое, на мой взгляд, должно было быть светлым. Ладно, теперь нужно выяснить, что это за место, какой год на дворе, и выполнили ли ангелы вторую часть обещанного. Мне обещали, что я буду богатой!

– Саурита, иди сюда, – девушка забежала в комнату, словно стояла под дверью. – Саурита, я богата? – я посмотрела прямо в ее глаза.

– Конечно, мисс, вы единственная наследница мистера Гросарио, Советника Его Величества, – при упоминании короля она склонила голову ниже к груди, и не сразу подняла ее.

– Отлично, хоть здесь не подвели, – я смотрела на свое платье, оно было из хорошей ткани с красивой вышивкой на груди. На мне были чулки из хлопка с завязками – они крепились к поясу, что было не очень удобно, но терпимо. Мягкие кожаные тапочки, по всей видимости, домашние. Да уж, эта жизнь будет много легче, чем моя прежняя, легкотня! Да еще и такой подарок, как ребенок, которого у меня не могло быть в той жизни. Да, мне обещали ребенка! Но кто? Что происходит?

Глава 2

– Лора, Лора, милая, – по коридору несся и приближался мужской крик. Я вопросительно посмотрела на Сауриту, она отошла в сторону от двери, и шепнула: – мистер Гросарио. И в тот же момент дверь распахнулась, и в комнату влетел мужчина.

Он был, наверно, на две головы выше меня, с седеющими висками, но заметно молодящимся. Мягкие, как и у меня, черты лица, темные глаза, пухлые губы. Он с разбегу обнял меня и поднял над полом. У меня кое-где хрустнули косточки.

– Отец, отпусти, мне больно, – кое-как, на сколько мне позволила поза, просипела я. Я не подозревала, что так сложно назвать отцом незнакомого человека. Я не помнила отца – видела только на фото. Грудь разрывало каким-то ощущением, что я его предала.

– Милая, я уже думал, что ты покинешь нас, ты была горячая столько дней, а потом, то, что ты жива, выдавало только твое дыхание. Доктор готовил нас к худшему. Но слава Богу, все обошлось. Ты чего-нибудь хочешь? Я тут же пошлю людей, и тебе доставят в несколько минут! – он смотрел на меня, как на самое дорогое сокровище.

– Не надо баловать девочку так, Грегори, если бы не доктор, я бы так и считала, что она притворяется, лишь бы не выходить за мистера Нотинга, – в комнату вкатилась дама, да, именно вкатилась, потому что ростом она была на пол головы ниже меня, а в ширину заняла весь проход.

– Милая, ну что ты выдумываешь, девочка может позволить себе выбор, и я даю его. У нее в запасе еще не меньше пяти лет, чтобы выбрать достойного мужчину.

– Куда еще достойнее, Грегори, мистер Нотинг – твоя правая рука. За тебя замуж она выйти не может, а Король женат, – дама, хоть с виду и была пампушкой, которые вечно улыбаются и своей добротой покоряют всех окружающих, но стервозность так и сочилась в словах и взгляде.

Видимо, это была моя мама. Я замерла и пыталась посмотреть на нее иначе – как на маму, которую помнила словно в тумане. Та моя мама была высокой, тонкой, как стебелек, и ее белоснежное лицо постоянно освещала улыбка. Или я придумала себе это?

– Ну, что ты уставилась на меня, словно видишь первый раз? – я не понимала, почему она так настроена, почему так относится к своей дочке, что так долго болела, и как сказал отец: "чудом выжила".

– Мама, у тебя сегодня плохое настроение? – нужно прощупать почву. Эта женщина порвала все мои шаблоны – в моем мире так себя ведут жеманные женщины, высокие и тощие, да даже в сказках с детства мы привыкли, что так выглядит фея крестная из Золушки. А ведет себя как тощая злая селедка.

– Все равно, она очень странная, Грегори, ты не замечаешь? – она говорила так, словно меня не было в комнате. Говорить обо мне в третьем лице – большая странность. А если учесть, что я чуть не окочилась... Надо присмотреться к этой женщине, и вообще, ко всей нашей семье. Рано делать выводы и радоваться красоте и богатству.

– Марита, перестань, она пережила столько боли, неужели ты и сейчас будешь говорить о выгоде, браке, и прочих неуместных вещах, – отец, хоть и был раздосадован мамиными словами, но в его взгляде на нее сочилось столько любви, а в голосе столько терпения, что я поняла – силы не равны. Она явно здесь шеф, и дом живет по ее правилам.

Ангелы засунули меня в тело максимально богатой и симпатичной девушки, но момент

с окружением я не учла. Можно было быть и победнее, но так хотелось побыть любимой дочкой, почувствовать, наконец, мамину любовь. Ну да ладно, грех жаловаться с таким отцом. Поживем – увидим.

– Отдыхай, девочка, пусть Саурита принесет тебе еду прямо в комнату, заказывай все, что хочешь. А мы с твоей мамой больше не будем тебе мешать. Если хоть что-то понадобится, сразу посылай за мной, – было заметно, что он не хотел уходить от меня, но ему пришлось отвести «шарообразную грозу» от моей головы.

Он обнял меня, и мои руки, стесняясь, как-то нелепо, стыдливо, легли на его талию. Это был первый отец, который обнимал меня, ну, или объятия отца, которые я помнила. Они вышли, он закрыл за собой дверь, и напоследок улыбнулся от всей души. Эта улыбка расплавляла все сомнения, что принесла со своим приходом и словами мать.

– Саурита, иди сюда. Расскажи мне пожалуйста, как я жила раньше, и самое главное – почему моя матушка так холодна со иной? – я с трудом увидела девушку, что стояла в углу за дверью. Ее испуганный взгляд после моей просьбы дал понять, что придется не легко.

– А вы ничего не помните, мисс?

– Видимо, я сильно ударила головой, и надеюсь, память вернется, иначе кранты. Но если ты кому-то расскажешь, что я плохо помню свою жизнь, я буду зла на тебя, – улыбнулась ей на всякий случай, но поняла, что моя улыбка не смягчила сказанного – она была напугана как зверек.

– Мисс Лора, что конкретно вам рассказать?

– Все, Саурита, вообще все. Давно ли ты здесь работаешь, сколько здесь живет людей, сколько слуг? Что я люблю есть? – я говорила и улыбалась как можно радушнее, но девушка все сильнее замыкалась.

Тут что-то не так, и это нужно выяснить в первую очередь. Саурита мне сейчас ближе всех, и только от нее я могу получить информацию, но как дать ей понять, что я ее не обижу? Неужели Лора обижала девушку, неужели она была злой?

– Я родилась в замке Гросарио на несколько месяцев раньше, чем вы, и моя мать была вашей кормилицей, – я заметила, что на этом пункте она запнулась, и опустила глаза, чтобы не выдать своей горечи. – Я была всегда рядом с вами, меня растили как вашу компаньонку, служанку. Ваш дед пока жил здесь, очень ценил мою маму, и отца, что был хозяйственным мастером, он заведовал мастерами, что чинили замок, и так далее.

– Саурита, прошу тебя, прерви свой рассказ, и расскажи мне – какие у нас с тобой были отношения? Почему ты боишься меня? Поверь мне, я ничего не помню, но врать тебе не советую, – я смотрела ей прямо в глаза, но это не возымело никакого успеха – девушка боялась меня как огня.

– Мисс, если я вам не нужна, я должна пойти, и принести вам ужин, – она опустила глаза, и всем корпусом устремилась к двери, видимо, для первого шага ей требовалось только мое разрешение.

– Конечно иди, Саурита. Принеси что-нибудь на свое усмотрение. Я не хочу ничего особенного, любую еду. Саурита, можешь не верить мне, но мне нужна верная и добрая подруга, которой я тоже стану подругой. Я хочу, чтобы это была ты. Обещаю, я не обижу тебя.

Она не просто вышла – она выбежала за дверь. Мне ничего не оставалось пока – только доверять своим глазам и чутью. Я подошла к окну и обомлела – за ним был сад. На улице было раннее лето – какие-то деревья еще цвели, а на каких-то были плоды. Огромные кусты гортензий были светло-зелеными, листва была более нежного цвета, нежели у деревьев. На

цветнике отцветали тюльпаны. Какой же это год? Что за страна, как зовут короля? Эти вопросы сейчас были так уместны, но задать их было не кому.

Раз уж я тут, по сути, хозяйка, то, выйти на улицу, скорее всего, не возбраняется. Сидеть в четырех стенах было невыносимо. Выйдя в коридор я осмотрелась, но не увидела никого. Налево был тупик и окно, а справа я увидела большое пространство в конце коридора, и направилась туда. Коридор оказался крылом, которое, как и еще три, сходились на большом балконе, что нависал над огромным залом. С него вели две лестницы.

Если раньше у меня были свои представления о роскоши, то теперь я поняла, что они были «мелковаты». Так мог жить только король, но отец был лишь его советником, значит, королевство не бедствует. Внизу зал, в котором легко могли уместиться три ресторана. Пол представлял собой произведение искусства – выложенный из миллиардов деталей мозаики, где были совершенно не заметны швы, блестел. Стены, драпированные очень плотной набивной тканью, были украшены небольшими картинами в рамках. Живопись уже достаточно хорошо развита, и краски объемные, мазки достаточно уверенные. Входная дверь открыта настежь, а за ней большое крыльцо и полукруглые лестницы.

Выйдя на крыльцо, я словно попала в фильмы о Людовике XIV – ровно постриженные живые изгороди, а с высокого крыльца виден лабиринт, обрамленный в кустики чуть выше человеческого роста. Ровные ряды деревьев с шарообразной кроной лучами уходили от центральной площадки, на которой сейчас стояла карета, запряженная двумя белоснежными лошадьми.

Имена не похожи на французские и уж больно разномастные. Марита, Саурита, это что-то из мексиканских сериалов. Но мисс, мистер – я не могла вспомнить где и когда началось внедрение этих приставок к имени. Это больше напоминало америку. Мисс – незамужняя девушка или женщина, миссис – замужняя дама, и мистер – уважительное обращение к мужчине. Но отец – советник короля. Мешанина в голове, отрывки из истории, попытка сопоставить информацию сделали свое дело – голова заболела в висках. И еще сильнее захотелось есть.

Я вернулась в комнату, и следом за мной с большим подносом вошла Саурита. На нем стояло три блюда, накрытых стальными крышками. За ней вошла незнакомая девушка, явно моложе меня, и внесла кувшин со стальным бокалом. Они все поставили на стол, что занимал середину комнаты, поклонились, и направились к выходу.

– Саурита, останься, – у меня больше не было других вариантов, кроме как прояснить ситуацию с этой девушкой. В случае неудачи, я смогу все свалить на то, что сумасшедшая здесь именно она. Неведенье угнетало больше всего.

– Да, мисс Лора, она опустила голову, и закрыла дверь за второй служанкой.

– Открывай блюда, и скажи, что здесь можно пить? – я уверенно подвинула к столу стул, что стоял возле окна.

– Садись сюда, – увидев, как она замешкалась, я настояла на своих словах взглядом, и поднятыми бровями.

Я сама сняла с подноса блюда, она открывала их, и подставляла ко мне. Я увидела один нож, одну вилку, и одну ложку. Я работала в одном из самых дорогих ресторанов Москвы, и была уверена – это серебро. Каждый предмет был искусно выполнен, приятная тяжесть и ощущение в руках дорогих столовых приборов приятно кольнули кончики пальцев.

Стол был велик, чтобы сидеть на разных концах, и я попросила Сауриту встать, сама подвинула ее стул к себе, и показала, что она может сесть обратно. Выглянула за дверь, но

там никого не было.

– Эй служанки, вы где, – я крикнула достаточно громко, и закрыла дверь. Посмотрим, как это здесь работает. Я не увидела ни колокольчика, ни каких то других средств для создания шума, чтобы позвать людей. Видимо, Саурита всегда была где-то рядом.

Через минуту к нам заглянула служанка, что приходила с Сауритой. Было заметно, что моя молочная сестра чувствует себя неудобно от того, что она сидит в тот момент, когда я суечусь, и сама ищу служанок.

– Как тебя зовут? Принеси пожалуйста еще один набор приборов и еще один бокал, – я увидела, что девушка замешкалась, заметив, что Саурита сидит со мной за столом, но решила ускорить мысленные процессы. – Быстро!

Она убежала, а я продолжила открывать блюда. Под одним был бульон с квадратами теста, ну, я надеялась, что это тесто. Он был щедро посыпан зеленью – это хорошо. Под второй крышкой была целая запеченная курица. Она блестела коричневым, сильно запеченным боком среди запеченных кусочков чего-то желтого, похожего на тыкву, или морковь, картофеля и томатов, что чуть лопнули при запекании, выпустив на чашу щедрую порцию сока. За этот финт меня бы уволили из ресторана раньше момента, когда я начала пить.

Третье блюдо было с теплым бисквитом, щедро политым медом, посыпанным ягодами красной смородины, малины и черники. Я с первой секунды, когда увидела девушку с кувшином, думала только об одном – что в нем? В горле пересохло от того, что я только представила, что там вино.

Служанка внесла еще один набор приборов в идеально белом полотенце, поставила на стол бокал и вышла.

Я открыла полотенце с приборами перед Сауритой, подвинула все блюда ровно посередине, и указала взглядом на кувшин. Саурита находилась в каком – то ступоре – она просто сидела не шевелясь. Она очнулась от моей просьбы и наполнила мой бокал, но я указала глазами, что нужно наполнить второй. Она нехотя подчинилась.

– Саурита, ты должна расслабиться, и покушать вместе со мной. Я подняла бокал, и показала, что хочу стукнуть своим о ее, и она тоже подняла свой бокал мне на встречу. Она была зажата, и я видела, как сильно сомкнуты ее челюсти и напряжена шея.

Ничего, дорогая, я надеюсь, что в бокале именно то, что я думаю, и оно развяжет тебе язык. Но напиток за секунду открыл для меня все, что произошло со мной ранее...

И я вспомнила. Вспомнила то, что произошло после того, как я захлебнулась водой в озере... И кем я была раньше...

Надо мной стоял человек в длинной белой рубашке. Человек, похожий на Доктора Хауса из сериала. Вокруг меня сидели люди, и они все смотрели на меня. Мы сидели в странной комнате.

– Лали, ты умерла, и сейчас очень важно, чтобы ты поняла, что от тебя требуется, – он говорил как говорит батюшка в церкви перед тем как начать петь длинную песню про светлый праздник Пасхи.

– Не может этого быть. Вот мое тело, я все понимаю, я мыслю! – это было, словно, сном.

– У тебя сейчас момент отрицания, но ты минуешь его, и придешь к этапу принятия, здесь это очень быстро происходит. Мы подождем, – он ласково улыбнулся, и уставился на меня.

Я одними глазами обвела коллектив сумасшедших, что сейчас с той же блаженной улыбкой пялились на меня. Не, это точно секта. Надо поддакивать, а как только закончится собрание, споем их песню про Мата Хари – Мата Кришна, и я выйду на улицу. Там сейчас хорошо. Лето, воздух, птицы. Птицы...

У нас в деревне в моем детстве было много птиц, особенно, когда спел инжир. И птицы, словно одурманенные его запахом, слетались поклевать нежные сочные плоды. Инжир можно языком прижать к небу, и по рту разливается нежное пюре с миллионами смешных косточек.

– Лали, чемо сихаруло, не надо собирать инжир с пола, животик будет болеть всю ночь, потом придется звать тетку Нану, и она поставит тебе воот такой укол. – бабушка всегда смешно говорила и старалась вставлять слова на грузинском, хотя была русской. Она делала это чтобы порадовать дедушку. Она бежала ко мне с полотенцем в руках, это значило, что сейчас меня будут им гонять, потому что обычно оно висело у нее на плече.

Я росла с бабушкой и дедушкой потому что мои мама с папой так решили. Родители жили в Москве. А потом папа умер, а мама приехала еще два раза в нашу деревню, носящую смешное революционное название, и пропала. Родителей моей мамы мы не знали, потому что, как сказал мой дед, моя мама – гугули. Это значит кукушка. Моя мама – птица.

Я всем говорила, что моя мама птичка, и она принесла меня моим любимым бабушке и дедушке. Мне хорошо жилось – меня баловали. Дедушка Ваню выращивал виноград, делал вино, разводил рыбу и учил меня смотреть на горы, когда мы сидели в тени тутовника. С гор на всех спускается благодать, но только если трудиться и быть добрым к людям. Я ждала ее, представляла, что благодать это такая женщина в красивом платье, с белыми волосами, как у девушки, что приезжала на каникулы с соседской внучкой из города, в котором всю зиму только ночь. У меня были темные и слишком кудрявые волосы, и я не была похожа на благодать.

А бабушка Лида заставляла помогать с арахисом, сбором фруктов и ягод, поливом, и мелкой женской работой, потом учила делать меня вкусные соусы, варенья, запекать мясо и рыбу. А осенью, когда дедушка Ваню отдавал ей жмых от винограда, она ставила его бродить

по новой, и в специальной ямке, над которой стояла деревянная избушка, похожая на курятник, она варила чачу. Чачу дедушка не пил, чача вся была на продажу. Дедушка пил красное вино, а бабушка – белое, потому что от красного у нее поднималось давление.

А потом, когда я выросла, и выучилась в техникуме, Ваню и Лида умерли друг за другом. Сначала умер дед. Через полгода умерла бабушка Лида. И я осталась одна. Как птица. Птица учит летать своих птенцов – она выгалкивает их из гнезда. Мои птицы выпали из него сами. Осталась я. Одна. Огромная земля с виноградом, дом, и озеро с зеркальными карпами. Я сидела под инжиром. Он падал мне на голову, когда мои сестры – птицы клевали спелые плоды. Я поднимала их с пола и ела. Тетка Нана тоже не придет больше с большим уколом – она умерла три года назад.

Продав дом, я поехала в Москву – искать маму. Я продала виноград и зеркальных карпов – продала всю мою историю. Но моя мама – птица, а птицы не беспокоятся о своих детях, поэтому она не нашлась. Я купила в Подмосковье квартиру и устроилась работать в ресторан. А потом влюбилась в самого красивого мужчину, и он стал моим мужем.

Через пару месяцев он отправил меня к морю, потому что я слишком много работала, а сам остался делать ремонт в моей квартире. Когда я вернулась, мой муж продал мою квартиру, а когда я пошла в милицию – он избил меня. И я потеряла своего неродившегося ребенка. И врач сказал, что детей у меня больше не будет. Мне некуда было идти из больницы, и я пошла к знакомой, с которой работала. Она сказала, что мне надо расслабиться и выпить – так я смогу поплакать.

Каждый человек имеет порог, перешагнуть который просто не в силах. Этот порог горя я не перешагнула. Тогда я впервые напилась до чертиков, и я смогла заснуть.

Я работала в ресторане, снимала квартиру в Москве. Я делала сациви и пхали такими, что люди облизывали пальцы, меня готовы были взять в любой ресторан, я могла позволить себе все самое лучшее, но я не видела смысла – я приходила домой и пила вино. Сначала хорошее, потом любое. И вдруг я оказалась на рынке. Потому что, когда я пила, я смеялась. Смеялась и дерзила директору, дерзила гостям. Пила иногда на работе, пила на ночь, чтобы заснуть, пила утром, днем, когда были деньги на вино.

На рынке мне вдруг стало сорок пять лет. Сменилось много времени и много птиц. Мы с соседкой снимали комнату далеко от Москвы. Мы торговали всякой ерундой – мочалками, ситечками и дешевыми ножами.

На неделе я ездила в электричках и продавала полотенца и носки. А вечером мы пили вино. Было жаркое лето и мы решили выбраться на речку и купаться. Мы взяли «Каберне», оно стоило столько, сколько у нас было денег, и пошли пешком в соседнюю деревню. Это было не то вино, которое делал дедушка Ваню, это было вовсе не вино, но оно давало мне спать.

На берегу мы выпили бутылку и к нам подошли мужчины. Они назвали нас «леди», и сели пить с нами. Когда разлили вторую бутылку, мне в пластмассовом стакане осталась самая малость – чуть закрыло дно.

– Ляля, тебе досталась доля ангела, – сказал один из наших новых знакомых. Лялей меня звали все, а Лали – только дедушка и бабушка.

И я пошла купаться....

«Доктор Хаус» щелкнул пальцами, и я очнулась. Понимание того, что я мертва пришло

как автобус. Когда приходит автобус, ты не плачешь, не стенаешь, не хочешь от него убежать. Я просто умерла. Я села в это понимание как в автобус, и позволила ему возить меня. В горле больше ничего не мешало словам. Не стало обиды, не стало жалости к себе.

Я села на полу удобнее, и все слова, что говорил «Хаус» стали для меня понятными и важными.

Так я перестала быть птицей, и стала ангелом. Но очень ненадолго.

– Вы не были виноваты в своей смерти. Вы еще не закончили те дела, которые должны были закончить, – наш Архангел ходил между нами, словно учитель в школе умалишенных – говорил нараспев, наклонялся к нам, чтобы посмотреть нам в глаза – действительно ли мы слушаем внимательно?

Дверь в стене открылась и к нам вошла женщина с белоснежными гладкими волосами. На ней было такое же длинное платье, что и на архангеле. Это наверно Благодать, что спустилась с гор. Дедушка говорил, что, если быть добрым, она спустится. Но Благодать молча подошла к девушке из нашей группы и взяв ее за руку увела с собой

– Она вернется обратно, архангел? – меня беспокоил сам факт того, что Благодать выбрала не меня.

– Лали, прошу тебя, помолчи. За каждым из вас в нужный момент придет ваша путеводная звезда, и проведет в новую жизнь, – он говорил уже сквозь зубы, это значило, что лучше заткнуться.

– Итак, вы можете выбрать только три характеристики для своего нового тела, которое вы поведете. Прежние души не справились, и могли завести эти тела в такие же ситуации, как и ваши. Мы не успеваем отследить всех, но тех, кого успели мы можем вернуть к жизни, – он замолчал, значит теперь точно можно задавать вопросы.

– А можно выбрать тело? – я словно второклашка тянула вверх согнутую в локте руку.

– Лали, специально для тебя, – его лицо вдруг оказалось прямо напротив моего. – Ты можешь выбрать три прилагательных, которые будут принадлежать этому телу. Прилагательные, это слова, которые отвечают на вопрос «какой», «какая».

– Какие...

– Что? – архангел кричал, это точно плохо. Но он задал вопрос.

– Какой, какая, какие – прилагательные отвечают на три вопроса, а вы озвучили два.

– Тебе, Лали, в порядке исключения, можно будет выбрать характеристику для своего тела, ответив на вопрос «какие», – он сел, и зажал голову между ладоней.

В комнату вошел молодой человек в белой рубашке – кого сейчас он заберет, и как скоро придут за мной? Он увидел меня, улыбнулся, и направился ко мне.

– Э,э, подожди, я еще не закончила здесь, я не знаю как попасть в новое тело, архангел Хаус еще не рассказал нам, – юноша подошел ко мне и взял за локоть, я поднялась, словно он нажал нужную кнопку, и организм сработал сам.

– Прощайте, Лали, выбирая характеристику, произнеси слово «умная», я прошу тебя, иначе, ты еще много раз появишься здесь, и твоя Благодать никогда не сойдет на тебя.

– Откуда ты зна..., – я не успела спросить откуда он знает про Благодать, которую обещал мне мой дед, потому что мы вышли за дверь. Нас окружал зеленый луг. Запах цветущих трав был такой яркий и сочный, что воздух можно есть ложкой, как мед.

– Лали, ты должна подумать, и сказать какой будет женщина, в чьем теле тебе предстоит жить. Только прошу, не торопись, подумай. И я должен тебя предупредить, что для тебя будут действовать ограничения.

Я не могла разлепить рот, видимо Хаус это сделал, чтобы моя путеводная звезда могла все мне рассказать о моем пути.

– Ты не сможешь злословить, тебе придется подбирать новые, хорошие слова, даже для плохих людей, – он заглянул мне в глаза, он знал, как куртуазно я заворачивала лексику.

– Ты не сможешь принимать алкоголь, который убил твое прошлое тело – если ты примешь хоть каплю, ты будешь говорить только правду, Лали, – видимо, мое лицо выражало сейчас такую бурю, что он засмеялся. – Ничего, ты это переживешь, все получится.

– Ты не сможешь навредить себе, потому что ты должна родить ребенка, – он знал, что этим можно крыть, он знал, что, сказав это, он может не сомневаться, что я буду приличной, примерной и очень доброй женщиной.

– Я хочу быть богатой, красивой, ииииии....

– Умной, скажи пожалуйста умной, Лали, иначе, ты все испортишь....

– Хитрой...трой...трой....ой....ой....

Отхлебнув из бокала, я поняла, что это далеко не вино. Это не компот, и даже не сок. Это было похоже на бродящее вино, которому нужно еще не менее года, чтобы стать хорошим, терпким напитком. Это была брага, которую пить не рекомендуется, а мой дед сказал бы, что ее и вовсе нельзя употреблять. Как минимум, после этого напитка нас ждет головная боль.

Я посмотрела на Сауриту, которая с наслаждением выпила бокал. Видимо, для них этот напиток был хорош. Она осторожно отрезала ножом кусок курицы, и аккуратно откусывала от него, держа на вилке. Газики сделали свое, и в голове у меня быстро стало легко, а в желудке тепло. Саурита выпила весь бокал залпом.

– Саурита, я не помню, какие у нас с тобой были отношения, но сейчас все будет хорошо, я тебе обещаю, потому что у меня нет здесь никого ближе тебя, – я не планировала сказать все полностью, но слова лились как мысли из головы, для которых не было заслона. Я закрыла рот рукой, но губы продолжали разжиматься, пропуская на волю лишние слова.

Девушка опешила, подняла на меня глаза и смотрела, как на диковинную зверушку, которая вдруг заговорила.

– Мисс Лора, у вас есть родители, а я просто служанка, – было заметно, что она опьянела, и ее эмоции, словно камешки, омытые морем, сточились алкоголем, стали более открытыми, естественными – она говорила с ехидством.

– Я ничего не знаю об этом мире, и только ты можешь мне помочь. Я не та, за кого себя придется выдавать, Саурита. Раз мы с тобой вскормлены одной матерью, значит мы сестры, а у меня никогда не было сестры. Пожалуйста, будь моей сестрой и подругой, – никакие хитрости не смогли сдержать мой язык. Слова моей Путеводной звезды оказались правдой – алкоголь снял с языка все замки.

– Вскормлены, да, моей мамой, которую ты отправила умирать из Валенторна в долину Хорма, и моего отца следом за ней, потому что он не мог оставить ее одну, – она бросила вилку и встала. Ее голос становился все громче и злее, и вот уже она очень громко кричала на меня, и я опешила от ее слов. – Я ненавижу тебя, мисс Лора, ненавижу твою семью, ненавижу всех людей здесь.

– Почему тогда ты здесь живешь и работаешь? – я не понимала, что происходит. И какое же наследство мне оставила девушка, в чьем теле мне приходится жить?

– Мне некуда пойти, потому что и моя мать, и моя бабушка всю жизнь прислуживали в этом доме, они вскормили всю вашу семью, – она села, уронила лицо в ладони и заревела еще громче. В ее словах было столько ненависти, что я поверила. Неужели Лора не боялась мести девушки, которая получила от нее столько боли, столько страха? Как она брала еду из ее рук, могла спать?

– Стой, Саурита, я умерла, и ангелы мою душу вложили в тело этой девушки, что тоже должна была умереть, я не лгу тебе, и мне очень жаль, что Лора была такой тварью, – я встала и подошла к ней, обняла за плечи. – Поверь мне, я рассказала тебе тайну, которую не планировала раскрывать. Это все этот напиток – мне нельзя пить такие, иначе, я не могу сдержать и слова правды.

– Зачем вы издеваетесь надо мной, мисс Лора? Вам мало того, что вы сделали с моей жизнью? – она заревела навзрыд, и похоже, давно мечтала высказать это. Сейчас ей было все

равно – что произойдет с ней.

Я подняла ее со стула, и подвела к кровати. Мы сели рядом с ней, и я обняла ее за плечи. Она просто рыдала не в силах сказать ни слова. Она пьянела все больше, и в какой-то момент начала говорить несвязные слова, называть имена. Я аккуратно наклонила ее и положила на постель. Нужно съесть суп, и тогда, алкоголь быстрее выйдет. Метаболизм у Лоры, видимо, так себе. Конечно, в ее возрасте пить брагу с ужином!

Я через край выпила из тарелки бульон, взяла кусок курицы в одну руку, хлеб в другую, и принялась активно жевать. Через пол часа мне полегчало, я проверила, разговаривая сама с собой, как с Лорой. Я думала о ней негативно, а произносила хвалебные речи. Слова совпадали с планом, значит, все прошло. Или это работает только в случае, если я разговариваю с другим человеком?

Пока я упражнялась, стало темно. Я подвинула кресло к окну и смотрела вниз. В саду замка зажигали фонари – мужчина с факелом подходил к каждому, поджигал чашу, в которой, по всей видимости, было масло, по дорожкам ходили мужчины с собаками. Это были красивые длинноногие доги. Они проходили мимо моего окна достаточно часто. Я насчитала четыре разных человека. Существовала какая-то опасность? Вот у кого мне еще спросить все и выведать о жизни здесь? Валенторн – от туда я выгнала мать Сауриты. Может это город? И что за долина Хорма? Бред какой-то.

Закинула ноги Сауриты на кровать, и раз уж она лежала поперек, я тоже улеглась с ней рядом, благо, кровать была не меньше, чем два на два метра. Заснула я моментально, и уже во сне почувствовала, как перестает болеть голова.

Когда я проснулась, Сауриты в комнате не было. Со стола было убрано, на спинке стула висело платье, чулки, нижнее белье в виде майки на тонких бретелях с подобием лифа спереди и панталоны. Пояс, по всей видимости, я должна была использовать тот же, что сейчас на мне.

В комнату вошла служанка, что вчера приносила еду. Она постоянно смотрела в пол, и боялась встретиться со мной взглядом. Боже, как же они, наверное, мечтали, что я сдохну, когда лежала тут без сознания.

– Как тебя зовут? – я вложила в голос сколько могла тепла.

– Табита, мисс Лора, – она взглянула на меня всего на секунду, словно боясь украсть мое лицо, если задержаться на нем взглядом чуть дольше.

– Табита, где Саурита? Я просто переживаю за нее. Ты не видела ее? – я подошла ближе, и видела, как девушка вздрогнула.

– Она приболела, мисс, она лежит у себя. У нее жар, – девушка говорила так, словно это мелочь, и мне совсем не о чем беспокоиться.

– Табита, идем к ней. Покажи мне, где она, – я направилась к двери, и показала ей, что надо быстрее проводить меня.

– Мисс, вам не нужно ходить туда, вам не полагается бывать в комнатах служанок...

– Я здесь хозяйка, Табита, и мне лучше знать, что полагается, а что нет, – я свела брови, давая понять, что не хочу слышать больше ни слова.

Она прошмыгнула вперед меня, и я поспешила за ней. Мы спустились по лестнице на первый этаж, там сновали слуги – в зале шла грандиозная уборка.

– А где мои родители, Табита?

– Еще слишком рано, мисс, они спят. Вы очень рано встали сегодня, – она была искренне удивлена. Значит, моя Лора спит с королевским размахом, как и вся семья. Не знают нужды.

Мы прошли под балкон и прошли в крыло, что было под моим. Дверь в крыло была незаметна – просто в стене открывался проем. Если бы я не увидела его, то вряд ли нашла бы специально. Там размещалась кухня и комнаты служанок. Крыло напротив было так же спрятано. А вот два других из зала шли коридором и были богато задрапированы в ткани, как и зала.

Кухня в крыле была в самом конце коридора, двери, как и в моем крыле, были только слева. В кухню входили люди, и другие выходили в коридор. На меня смотрели с удивлением, и даже входили в ступор. При каждом открытии двери, оттуда вырывался клуб пара и запахи еды. Табита открыла дверь, что была перед кухней. Там было шесть кроватей, один стол и плохонький шкаф. На кроватях сидели две девушки, и, по всей видимости, что-то штопали. Они тут же вскочили, опустив подбородки к груди. На одной из кроватей кто-то лежал с головой, туда и направилась Табита. Я поймала ее за руку, и жестом показала всем выйти из комнаты.

– Саурита, привет, это я – Лора. Ты не спишь? – ворох ткани на постели зашевелился, и девушка откинула одеяло с головы. Лицо было зареванным, глаза красными, и она прятала взгляд. Покусывая губы, она взглянула на меня и тотчас опустила глаза.

– Нет, не сплю, мисс Лора, – она начала вскакивать с постели, но ноги путались в одеяле. Я воспользовалась ее заминкой, подошла к постели и села в ногах.

– Не вставай. Ты заболела, тебе плохо? – мне было стыдно за свою предшественницу, и если раньше я просто хотела выяснить детали этой жизни, то сейчас искренне жалела ее, и мне было плевать – расскажет ли она кому-то обо мне, лишь бы не винила меня, лишь бы поняла, что я – не тот человек, что принес ей столько горя.

– Я солгала им, мисс Лора, я не больна. Просто мне очень стыдно за вчерашнее, и...

– Саурита, это мне должно быть стыдно за то, как поступила с тобой Лора. Все, что я говорила тебе вчера – чистая правда. Я очень прошу поверить мне. Чем у вас тут клянутся, что не обманывают, что готовы отвечать за свои слова? – видимо, я нашла ту ниточку, которая давала ей шанс, за которую можно ухватиться и снова поверить, потому что взгляд девушки стал иным, более сосредоточенным.

– Клянись богом Гасиро, и согласитесь на то, что он отправит вас в вечное зарево страха, если вы соврали мне, – она приняла мою растерянность от ее слов за страх, ухмыльнулась, и снова накрывшись с головой легла на подушку. – То-то же, мисс Лора, даже вы боитесь его наказаний.

Мне стало еще неуютнее от ее слов. Какой еще бог Гасиро, какое зарево страха, где я?

– Саурита, я клянусь богом Гасиро. Клянусь, и пусть он отправит меня в это зарево вечного страха, если я солгала тебе хоть слово, – я не знаю такого бога, я была крещеной, я христианка, и верю в Отца, Сына и Святого духа. Но даже если здесь у моего бога просто другое имя, и ад стали называть «заревом страха», я не лгала девушке.

– Вы правда сказали это, мисс? – она откинула одеяло, села в кровати и испуганно посмотрела мне в глаза.

– Да, и могу сказать тебе это в глаза. Я клянусь всеми богами, что вчера не солгала тебе, единственное, сначала я просто хотела выведать у тебя – где нахожусь, какой это год. Сейчас у меня еще больше вопросов, сестра моя, – я наклонилась к ней, чтобы обнять, и она не оттолкнула меня, а только чуть сжалась – сгорбила плечи, втягивая грудь глубже. – Я пойду, а ты отдохни сегодня, выспись, и приходи ко мне. Ты мне очень нужна, правда.

Я не стала дожидаться ее ответа, встала и направилась к двери, возле которой

обернулась и с улыбкой оглянулась на девушку. Она смотрела на меня как на привидение и прижимала к груди верх одеяла, словно хотела спрятать свое сердце от боли, которую я не раз доставила ему.

– Табита, идем наверх, мне нужно искупаться и переодеться, – в коридоре девушки стояли, опустив голову. – Саурита сегодня отдыхает, не тревожьте ее.

– Да, мисс Лора, – служанка еле пролепетала мне в ответ, и пошла за мной. Я хотела заодно взглянуть на здешнюю кухню, но решила оставить это на потом. Сейчас мне нужно просто ждать. Придет ко мне девушка или нет – теперь зависело только от нее.

В туалетной комнате служанка разожгла камин. Вошли еще три девушки, и они подвинули достаточно тяжелую ванну к огню.

– Вода будет примерно через час, мисс Лора, и как только ее принесут, я помогу вам искупаться и расчесать волосы. А пока я могу принести вам завтрак, – девушка всегда говорила с опущенной головой.

– Табита, а ты можешь говорить с поднятой головой? – наверное, зря я об этом спросила, потому что девушка испугалась.

– Нам непозволительно смотреть в лицо, мисс, это неуважение к хозяевам.

– Ладно. Говори как хочешь. А у нас есть кофе? – я надеялась, что кофе уже открыли, а если нет, стоило это сделать.

– Да, конечно, мистер Гросарио пьет его каждый вечер, он успокаивает его перед сном, – она ответила удивленным голосом. Странно, пить кофе на ночь! Ну ладно, наверное они еще не поняли его качеств. Хорошо, что он есть, остальное ерунда, пусть хоть ночью пьют.

– Завтракать буду после ванны, а сейчас, принеси мне пожалуйста кофе, – я отвернулась, и пошла осмотреть туалетную комнату, оказывается, за шторками здесь много всего интересного.

Девушка вышла из комнаты, и я начала осматривать все углы. В комнате было прохладно – шторы были постоянно занавешены и солнечный свет не попадал в нее. Чего они боялись? Многоэтажек напротив нет, и никто не увидит моих помывок и справления нужды. Я отдернула одну портьеру, и мне открылось пыльное окно, но стало светлее. Вот что нужно сделать – снять все портьеры, помыть окна и постирать эти тяжелые ткани. В моей комнате, скорее всего, тоже килограммы пыли на шторах.

Табита принесла пузатый чайник объемом не меньше литра. Налила из него чуть темную жидкость, вроде слабого чая. Интересно, что это. Взяв кружку, я понюхала жидкость. Пахло кофе, но он был безумно жидким.

– Табита, идем в кухню, и посмотрим, как вы варите кофе, только прошу, не спорь, – я вышла из комнаты, и девушка последовала за мной.

В кухне было две огромных плиты. Они стояли посреди всего зала. Три больших столба делили помещение на две части. Это место, где моя комната делится на спальню и туалетную комнату, ведь она прямо над кухней. Каменная труба по потолку шла к задней стене, где у меня нет окон. Видимо, это торец коридора. Жаль, я не видела замок снаружи. У плиты стояли две женщины и одна молодая девочка. На плите шкворчало и бурлило в нескольких котлах и сковородах. Пахло одновременно мясом и выпечкой. За колоннами, видимо, было место, где разделявали мясо и птицу. Несколько больших чурок, на которых рубили мясо, на полу ведра, в которых ошипывали птицу. Хорошо хоть не на столах, где резали овощи.

Я нашла на полках с посудой небольшой глиняный ковш, чуть похожий на чугунный, в котором бабушка варила кашу. Попросила налить кружку воды и дать мне кофе. Мне предложили мешочек с зернами. Интересно. Так вот почему он такой – они его не мололи, а варили прямо в зернах. Я раскусила зернышко – ладно хоть обжарить догадались.

– Есть у вас мельница, ну, или в чем вы мелете, чтобы стало мелко? – я оглянулась, а на меня пялились человек десять. Словно увидели своего бога Гасиро, который решил почистить им пол.

Первой очнулась молодая девочка, что предложила мне ступку с пестиком. Они были каменными, тяжелыми, со множеством щербин. Я наклонилась к нему, и понюхала – несло чесноком.

– А есть такой чистый, новый? – я обвела взглядом всех еще раз.

– Такой есть у мистера Корта, он пробует руками молоть новые зерна пшеницы, чтобы изучать новую муку.

– А кто это, и где он?

– У себя в мастерской, за замком, – ответила Табита, которая теперь была настолько напугана, что не удивлялась моим вопросам.

– Сходи и принеси ее сюда как можно быстрее, – все интереснее и интереснее. Девушка выбежала из двери сразу на улицу, значит, сзади в замок есть черный вход. Ну хорошо, хоть что-то становится понятно, но с одним понятным фактом добавляется десять непонятных.

Кофе мы смололи и сварили. Все кухонные работники окружили меня, и как за ведьмой, следили за процессом. В кухню постоянно входили и выходили служанки, что носили воду в мою ванну. Они тоже задерживались и наблюдали.

С готовой чашкой я отправилась в комнату, отпустила Табиту, и с кофе уселась в теплую воду. Именно так я представляла себе богатую жизнь в моем прошлом мире. Конечно, в руке у меня должен был быть бокал с шампанским, но, алкоголь для меня теперь – сыворотка правды, а правда моя сейчас – мой конец.

Я допила кофе, самостоятельно помылась, и пригласила Табиту полить меня чистой водой. Волосы были очень густыми, и расчесывать из сырими я не смогла. Тщательно, на сколько могла, просушила полотенцем, переделалась, и решила подождать, когда высохнут сами. Еще чуть сырими уложила в привычный мне пучок. Завтрак был сервирован очень красиво: вареное яйцо в подставке, несколько кусочков горячих хлебов, варенье в красивой вазочке и кусок птицы, политый бульоном с луком.

– Табита, я всегда ем в комнате? – она стояла как всегда – возле стены, стараясь слиться с ней.

– Нет, мисс Лора, сейчас вы еще слабы, и ваш отец сказал пока подавать стол сюда, но если вам нужно что-то другое, я принесу – только скажите, – она постоянно была в стойке, как хорошая гончая или как бегун на старте.

– Нет, нет, все хорошо. Ты можешь идти. Я сейчас погуляю в саду одна.

– Вам не положено быть одной, мисс Лора.

– Это почему еще, я же в саду!

– Я должна идти за вами, в саду я могу идти позади вас, но на улице только рядом, – я видела, что девушка начинает подозрительно на меня подсматривать.

– Я знаю, Табита, но я хочу побыть одна...

– Вы меня не услышите даже, мисс.

Так мы вышли вдвоем в сад. Я выбрала дорожку, что опоясывала кольцом дом, но это мне показалось – сразу, как мы дошли до конца крыла, дорожка, обрамленная высокими, чуть ниже плеча, кустами, отворачивала от замка и шла на удаление от него. Значит, дорожки были большим полукругом, и соединялись дорожками – лучами, исходящими от замка.

Мне хотелось посмотреть замок сзади. Я постояла и посмотрела на свои окна. Под ними была кухня, но окна в ней были закрыты. И стекла были достаточно грязными, как и во всех остальных комнатах. Да, о генеральной уборке здесь точно не знают.

Я считала, что замок имеет два этажа, но сейчас увидела, что их три. Лестниц выше внутри не было, значит, вход был отдельным.

– Табита, а что на третьем этаже сейчас? – я не знала, как задать вопрос так, чтобы не вызвать в ней подозрения. – Память медленно возвращается, видимо, я сильно ударила голову.

– Мисс, вам этого знать не должно, там трудится ваш отец, и он впускает туда только нашу глухонемую служанку, Нону, и мистера Корта. Вам с миссис неположено ходить туда.

– Хорошо, а тот человек, как его... из-за которого я упала с лошади, он кто?

– Мистер Дюбар? Он наш сосед, и тоже при дворе, как и ваш отец, он военный советник, и должен подчиняться вашему отцу, но между ними всегда была вражда – Дюбар

считает, что он имеет больше прав быть личным советником короля, – похоже, она успокоилась, что я что-то не помню.

– А каким образом он навредил мне?

– Вы вместе с отцом были на охоте, что организовал мистер Дюбар, чтобы наладить отношения. Мистер Гросарио – ваш отец, с удовольствием принял его приглашение, но, когда закричал один из загонщиков, что вы ранены, ваш отец первым добрался к вам. Там был мистер Дюбар и загонщик, который рассказал ему, что видел, как мистер Дюбар на всей скорости столкнулся с вашей лошадью. Сейчас ваш отец разыскивает этого загонщика, но он как сквозь землю провалился.

– А мистера Дюбара задержали? Ведь это значит, он пытался убить меня? – мне стало не по себе от ее рассказа. Раз так, для прогулок мне нужна не эта слабая девушка, а настоящие охранники.

– Нет, пока нет человека, который скажет, что лично это видел, его не могут задержать. Вы единственная наследница семьи Гросарио, и вы должны после смерти вашего отца, дай ему Бог долгих лет жизни, как честному и доброму человеку, занять его место возле короля, – она снова опустила подбородок еще ниже при упоминании этой персоны.

– Я должна стать советником? – ничего себе, такого не было в истории, тем более, я девушка. Вопросов становится все больше и больше.

– Да, должны, либо ваш муж, которому вы передадите это право. Дюбар сватался к вам, и был уверен, что ваш отец одобрит его предложение, но он слушает вас, потому что, как он сказал, личный советник короля должен сам принимать решения. Вы занимаетесь с отцом ежедневно, и он вводит вас в курс дела всей жизни королевства, поэтому, лучше бы вам все вспомнить, мисс Лора.

Мир безоблачных розовых кружев, спокойного брака в шикарном замке, кудрявых малышей и красивого супруга рухнул прямо под мои ноги. Ничего себе законы. Я хотела быть красивой и богатой – в моей прошлой жизни эти женщины счастливы, у них все на виду, они купаются в обожании, спят до обеда и летают на разные острова. Их дети играют на скрипках, ходят в дорогие школы, танцуют в балете и играют в хоккей. А здесь я сама должна устроить жизнь?

– Мисс Лора, идемте домой, уж очень ярко служанка машет с крыльца, наверно вы понадобились вашему отцу...

– А моя мама? Почему она была не рада, что я очнулась? – этот вопрос был сейчас очень важен для меня. Не хотелось ожидать подвоха от человека, который для всех самый дорогой и родной. Ну почему мне во всех моих жизнях не везет с мамой?

– Она боится, что вы не справитесь с обязанностями, и вся семья потеряет этот титул. Поэтому, она хочет скорее отдать вас замуж, чтобы отец передавал знания мужчине.

– А я до того случая с лошадью... не справлялась? Что говорил мой отец?

– Наоборот, он был спокоен, и говорил, что у вас мужской ум, что вы хладнокровны и расчетливы, как и требуется быть человеку рядом с королем. Единственное, чего он боялся, – Табита зажалась, и видно было, что она ляпнула лишнего, и сейчас не знает – как исправить ситуацию.

– Табита, говори все, я обещаю тебе, что не причиню вреда. Обещаю, – я взяла ее за плечи и заставила посмотреть мне в глаза.

– Вы очень мстительная и злая, хитрая, и в вас нет ни капли любви и прощения, – простите меня, но он говорил это вам, когда вы ругались с ним, когда вы отсылали маму

Сауриты.

– Лора, я испугался, что тебя нет в комнате, иди скорее, ну, раз ты уже гуляешь, и цвет лица стал вполне здоровым, идем в кабинет, попьем чаю, и поговорим, – кроме служанки на пороге стоял отец. Он улыбался, когда мы поднимались по лестнице. Этот человек очень любил Лору, он жил только ей. Он прощал ее характер и ее жестокость, которые не свойственны ему.

– Отец, все хорошо, прогулка пошла мне на пользу, конечно, идем, – я чуть тише пошла, и когда Табита поравнялась со мной, шепнула ей: – не говори никому о нашем разговоре, пожалуйста.

Она вскинула глаза, и тут же быстро мотнула головой, мол, поняла. Она была так напугана, что вряд ли сказала бы кому-то. Да они тут так запуганы этой Лорой, что когда видят меня, воздух в комнате становится зримым – все пылинки замирают от того, что никто не дышит и не двигается, ожидая с ее стороны подвоха.

Отец то и дело пытался дотронуться до меня, приобнять, прижать к себе, пока мы рядом проходили залу, поднимались по лестнице и шли по его крылу – оно было напротив моего. Где сейчас была матушка, чья дочь наконец пришла в сознание, мне было неизвестно, но и мне не особо хотелось пересекаться с этой женщиной. В самом конце коридора он открыл дверь ключом, и впустил меня. Я увидела напротив его комнаты чуть заметную прорезь в стене, как и дверь в крыло с кухней. Ладно, это мы проверим потом.

Кабинет – достаточно просторная, как и моя, комната, разделенная столбами, два больших стола перед окном, но чуть повернутых друг к другу. Сидящие за этими столами одним глазом всегда видели дверь, но от окна было достаточно света – оно выходило на запад.

Отец пропустил меня вперед и указал на кресло. Их было два, и между ними стоял невысокий чайный столик. Следом за нами вошла служанка с подносом, расставила чашки, из чайника наполнила их до половины. Сняла с подноса вазочку с выпечкой, вроде рогаликов из песочного печенья, забрала поднос и вышла, закрыв за собой дверь. Я стояла, боясь сделать что-то не так. Но знала, что «спалюсь» достаточно быстро. Лучше поговорить сначала о чем-то общем, глядишь, он сам хоть что-то расскажет и откроет завесу моего прошлого.

Отец проследовал за служанкой и закрыл за ней достаточно массивную дверь. Закрыл на ключ, который положил в карман пиджака. Это была смесь сюртука и обычного пиджака.

– Отец, расскажи, что произошло нового, пока я была без сознания, – я аккуратно присела на край кресла, взяла чашку с чаем, и отпила. Это был травяной чай, но достаточно густой, он пах липой, а еще, по-моему, зверобоем.

– Лора, мы так и не нашли загонщика, что мог рассказать о том, что произошло на охоте. Может быть он испугался и уехал, или заболел, – Боже мой, отец даже не сомневается, что это стечение обстоятельств, и скорее всего, это не опыт, а его личная вера в человека, его доброта и непринятие того факта, что кто-то может желать сейчас нам смерти.

– Отец, я скажу тебе прямо – я, наверное, очень сильно ударила головой, и не помню многого из того, что было раньше. Но память возвращается, когда мне рассказывают о моей жизни. Но то, что пропал загонщик, думаю, не связано никак с его личной жизнью. Ведь, если бы он боялся, он изначально не признался, что видел что-то, скорее, он пропал по одной причине...

– Какой еще может быть причина, Лора? – он искренне удивлялся моему

предположению, как будто знал, что я скажу, мол, его могли украсть инопланетяне.

– Думаю, мистер Дюбар «помог» ему исчезнуть. Что ему грозит за то, что он попытался меня убить? – мне интересно было наблюдать за лицом моего нового отца, потому что оно читалось как книга.

– Ну что ты, Дюбар случайно толкнул тебя – его лошадь погнала от испуга и столкнулась с твоей, ведь вы скакали в паре, и олень выходил на вас. Ты сама настояла быть в этой позиции, Лора, – о Боже, все еще хуже. Даже служанка понимает, что меня хотели убить, а мой отец, похоже, последний розовый пони в обличье человека.

– Что будет Дюбару за то, что он толкнул меня случайно, отец?

– Ты женщина, а охота – место, где мужчина, в первую очередь, обеспечивает безопасность женщины. Каждый мужчина. Он не просто нарушил правила, он грубо ошибся, столкнувшись с тобой, и подверг тебя опасности. С него снимут титул, но оставят на довольствии.

– Довольствие мало?

– Достаточно, чтобы жить и содержать земли, что останутся при нем, но при дворе его больше не будет...

– А он так хотел быть личным советником... Отец, я хочу тебя расстроить – ты слишком добр к людям, и приписываешь им свои качества. Он хотел убить меня, и именно он «убрал» свидетеля.

– Как это «убрал»?

– В лучшем случае, он его запугал, или заплатил, чтобы тот уехал, но, мне кажется, что он его убил, – тяжело мне придется, и, видимо, моя безопасность теперь – мое дело. Потому что, пока наш зефирный папенька поймет как на самом деле устроена жизнь, меня убьют раз шестнадцать. А я снова и снова буду «скакать» по новым телам, и что уж я буду помнить каждый раз – можно только догадываться. Поселят еще жить в кошку, потому что надоем моему Архангелу. Нет, нет, у меня уже есть планы на эту жизнь.

– Лора, я давно знаю мистера Дюбара, и да, он стремится к власти, он хотел прийти к ней через тебя, это известно всем, но пойти на убийство он не способен, – отец говорил серьезно и уверенно. Я не думаю, что он слеп или глуп, но в этой истории столько деталей, что прямо говорят о сути Дюбара.

– Отец, давай вспомним все, чему ты меня учил, может быть, начнем с каких-то законов, или еще чего-то. Я могу в свободное время читать, а потом задавать тебе вопросы, – я хорошо училась, и мечтала стать журналистом, но моя бабушка настаивала на том, чтобы я стала поваром, мол, в хороших ресторанах повара получают заоблачные деньги.

– Давай, дорогая, ты быстро освежишь память, когда прочтешь свои записи, – он взял со стола, что стоял правее, толстую тетрадь в обложке. Она была обтянута кожей.

Это была очень толстая записная книжка, коричневая обложка имела тиснение в виде сложных арабесок и рамки по центру. Книга закрывалась на широкий пояс и застегивалась замочком – в отверстие в поясе полагалось пропустить железный краник и повернуть. Я открыла замок, откинула поясок и раскрыла на середине, где, по всей видимости, были последние записи, и... я поняла, что я не знаю этого языка. Буквы походили на криво построенный забор, который чинили раз триста, или как будто кто-то считал палочками, а потом каждую перечеркивал, или даже группу палочек.

– Что с тобой, Лора? Тебе плохо? Почему ты так тяжело дышишь? – отец поддержал меня под локоть и усадил в кресло. Я взяла чашку, налила из чайника чаю и выпила залпом.

– Мне нужно полежать, я пойду, у меня очень кружится голова, – я встала и он придерживая меня под локоть, проводил в мое крыло. Уже лежа я слышала, как он кричал Сауриту. К горлу поднимался ком – проблем становится все больше и больше. Отцу точно нельзя говорить правду. Да и кто знает, как у них здесь с инквизицией?

– Мисс Лора, как вы, – забежала и сразу села у меня в ногах Саурита.

– Рита, можно я буду называть тебя Рита?

– Да, конечно, мисс Лора.

– Рита, я не прошу у тебя ничего просто так, если нужно, я найду – чем тебе заплатить, но я должна знать – что здесь происходит, где я, и как жить дальше. Рита, я ничего не знаю, – мое отчаяние было сейчас не к стати, но контролировать себя я не могла.

– Вы поклялись мне, мисс Лора, и мне придется поверить вам. Я о таком никогда не слышала, но наш Бог всегда преподносит нам сюрпризы. Может быть, после смерти мы попадаем в новое тело, я сейчас много думала об этом, но никогда не читала в газетах, а там пишут обо всех странностях, что приносит долина Хорма.

– Рита, ты умеешь читать?

– Конечно, и читать, и писать, и танцевать, и управлять лошадью, все то же, что умеете вы, – она встала и привычным жестом опустила голову. – Я ваша компаньонка и служанка, я с вами должна быть до вашего последнего дня, и замуж могу выйти только в доме вашего мужа.

– И ты не против выходить замуж за кого придется?

– Хозяин подберет мне очень хорошего мужа, чтобы вы были в безопасности. И вашего ребенка буду кормить я, – она пощупала мой лоб и намочила в умывальнике полотенце. Положила его мне на голову. – По-моему, у вас снова температура.

– Нет, Рита, не переживай, все хорошо. Видишь, моя тетрадь, возьми ее, и прочитай последнюю запись.

– Вы что, мисс Лора, вы сами никогда не выносили тетради из кабинета, вы говорили, что это государственная тайна. Я не могу читать ее, если узнает ваш отец – меня повесят, – она отскочила от нее как от огня.

– Рита, я не знаю вашего языка...

– Вы же говорите, хоть и странно, что говорите очень спокойно – не орете все время, но я вас понимаю.

– Я не могу писать и читать. Я как ребенок, Рита. Который умеет говорить, но не умеет читать или писать, – я смотрела на нее, словно на последнего человека, оставшегося в мире.

– Я могу учить вас снова – мы вместе учились. У меня остались тетради, их несколько, но мама берегла их, – тут она снова загрустила.

– Рита, мне так жаль, что из-за Лоры ты осталась без родителей, но это была не я, я клялась тебе. Прошу, помоги мне, больше никогда я не сделаю тебе плохого.

– Читать тетрадь я не буду, даже за вашу клятву. Нас учили читать всего несколько месяцев, а вы уже большая, и будете, надеюсь, послушной ученицей.

– У меня нет «несколько месяцев», сестренка, просто нет. Сейчас я притворяюсь больной, но скоро отец позовет меня чтобы поговорить.

– Я научу вас за несколько дней. Переодевайтесь, я принесу ужин, свои тетради, перья, новые листы, и начнем, – она выбежала из комнаты, оставив на кровати пижаму. До вечера было далеко, и чувствовала я себя не очень хорошо, но времени прохлаждаться у нас нет.

Три недели мы учили буквы, цифры, для разминки учили танцы, которые не были похожи ни на что – притопы и прихлопы, проходы. Рита рассказала мне о том, что музыканты играют на множестве инструментов, а балы во дворце проходят каждый сезон – их ждут все горожане, а приглашают туда далеко не всех. За замком были леса, и отец часто приглашал меня на конные прогулки. Первый день был тяжелым и страшным – даже конюх посмотрел на меня внимательнее, когда я подставила табуретку, чтобы залезть на лошадь.

Мы гуляли вокруг замка и мне удалось несколько раз перелезть через кусты. Там окна третьего этажа были огромными – они были от пола, и часто были открыты. Там явно кипела жизнь, только вот чья?

Рита стала смеяться со мной, но иногда, как будто вспоминала неприятные моменты и по лицу пробегала тень старых обид. Я делала вид, что не замечаю.

В моей комнате сняли тяжелые портьеры и отмыли окна – комната стала светлой, как в моем детстве. Мне хотелось выйти в город, но, как оказалось, я ждала новую одежду – мастерицы часто привозили платья на примерку, и она продолжалась часами, когда я не могла отойти от них. Примеряли, распарывали, снова прошивали и примеряли – немного иначе я представляла себе жизнь богатых людей.

– Лора, ты потолстела, – это мне заявила моя мама – колобок, после первой примерки, когда девушки не смогли застегнуть пуговицы на спине.

– Миссис Гросарио, она сейчас должна хорошо питаться, после ее болезни ей нужно набираться сил, – Рита пыталась вступить за меня.

– Она сейчас должна хорошо выйти замуж, а уже потом хорошо питаться. Все происходит именно в таком порядке, девочка. Вот когда я выходила замуж за мистера Гросарио, моя талия умещалась у него в ладонях, – я смотрела на нее, как на явную лгуню, так как подобная фигура склонна к полноте пуще остальных. Платья были из парчи, с

тяжелой, но достойной вышивкой, подол был без кринолинов, но под платье надевали три нижних юбки, и они весили не меньше платья. Нарядов было шесть, и все они предназначались для бала, который длится шесть дней. Я боялась этого – мне и дома были милее домашние посиделки в тесном кругу, чем большие столы и рестораны.

Рита рассказывала мне о балах, об их правилах – мы были с ней вместе на каждом из них в прошлом году и весной этого года. Отец начал брать меня к королю, когда мне исполнилось шестнадцать. Сейчас, в конце лета, мне должно было исполниться семнадцать. До двадцати одного года я должна была выйти замуж, или получить должность советника сама – в этом случае я могла выйти замуж по своему усмотрению позже, и тогда, муж не имел права получить эту должность.

Вполне себе приемлемые правила и законы. Я добралась до записной книжки, которую читала еще по слогам. Мои руки могли коряво писать на известном мне русском языке – я делала заметки для себя, и Рита не могла понять – что это. В этом были плюсы. Я взяла один лист и написала значение моих букв в самом начале, чтобы запомнить их звучание – так мы с подругой в моем прежнем мире писали песни на английском, не зная языка. Я никогда не забуду «шизгарэ, ю бэби шизгарэ...». Так мы могли петь почти на английском. Здесь я сделала такие листы со звучаниями букв. А потом подумала, и записала их буквы, равные нашим. Это могло быть прекрасным шифром. Расшифровку я убрала в книгу по ведению домашнего хозяйства, что лежала в комнате каждой женщины как библия счастливой супружеской жизни.

Рита рассказала мне в общих чертах как выглядят мистер Дюбар и мистер Нотинг, как выглядит мисс Натис Брюнэ – моя подруга. Очень странно, что она до сих пор не навестила свою болезную подругу, то есть меня. Значит, такая вот у нас дружба.

Однажды вечером мы с Ритой вышли в сад, хоть нам и советовали не покидать дома после того как сядет солнце. Мы решили пройтись после долгого сидения за книгами. Услышали, что по тропинкам кто-то идет и разговаривает, и спрятались за кустами, что перекрывали проход к задней части замка. Голос отца сменялся голосом незнакомого нам мужчины, мы решили не светить наши вечерние прогулки. Мы прошли за дом, миновали заднюю дверь кухни, которая в это время открывалась редко. Мы держались в темноте и хихикали, словно заговорщики.

На третьем этаже загорелся свет. Мы встали за деревьями – прямо за границей квадратов света от окна, что падали на лужайку. Открылось окно, и на балкон вышел отец с незнакомым мне мужчиной. Он был моложе отца, и даже так далеко было видно, что мужчина красив и статен. Черноволосый, высокий, движения размеренные, но достаточно четкие. Они стояли там с дымящимися чашками в руках, говорили, смеялись, но разобрать слова было сложно.

– Мисс Лора, непозволительно подслушивать разговоры отца, тем более, если он говорит с мистером Кортон, – сначала я хотела ответить своей компаньонке, что раз это и мой замок, я могу гулять везде, где захочу, но тут услышала знакомое имя.

– Это ведь тот человек, что занимается какими-то опытами с мукой? – по-моему, именно к нему бегала служанка за новой ступкой.

– Да, он ученый, и его поддерживает ваш отец. Говорят, что он живет здесь потому что тут безопасно, – Рита старалась шептать мне в ухо.

– А что, в других местах опасно? – мне казалось, что это какая-то страна непуганых идиотов, раз уж отец так уверен в мистере Дюбаре, который явно был опасен.

– Конечно, вечерами здесь опасно выходить, потому что все чаще в город пробираются люди из долины Хорма.

– Это то место, куда изгнали твою маму? И там так опасно? – я приобняла Риту, чтобы дать понять, что я соболезную ей.

– Людям, живущим в этой долине нечего бояться кроме холода и голода. Вся ненависть их направлена на Валенторн, – она дернула меня за руку, показывая, что пора уходить – в нашу сторону двигался один из сторожей с догом. У меня кровь замерзла от того, что я представила, как эта собака кидается на нас.

Мы осторожно пролезли в проплешине в кустах, что вырезали сами садовыми ножницами. Мы просто наклоняли ветки и связывали их, чтобы не было видно наш тайный лаз в заднюю часть сада. Хорошо хоть куст без колючек.

Мистер Корт интересовал меня все больше – люди, имеющие какую-то тайну, или занятые чем-то неизвестным, всегда привлекают к себе внимание. Нужно порасспрашивать слуг, а лучше – понаблюдать самой. Саурита четко дала понять, что не знает о нем ничего, кроме того, что он занимается наукой для нашего короля. А служанки знают чуть больше, потому что наблюдательнее к мелочам. Вот, они же знают, что у него есть ступка, значит, знают, чем там у него еще можно разжиться. Отличная причина заглянуть на третий этаж – завтра пойду вернуть его приспособление. Ну, вернуть насовсем ее я точно не планирую, так, сделаю вид. Иначе, снова останусь без кофе..

В один прекрасный вечер, за два дня до первого бала я решила, что время пришло – пора выяснить хоть что-то. Если поймают – скажу, что не в себе, и вообще, кружится голова и невмочь хочется бисквитов. Я же леди сейчас, а у леди, как известно, свои причуды.

Сначала я внимательно осмотрела стену напротив своей комнаты – в замке все зеркально устроено, значит, и у меня в крыле есть тайная дверца. Однажды, когда работала в ресторане, увидела у повара книгу, что читал запоем в каждом перерыве. Про мир в шкафу. После него читала я. Надеюсь, у меня в крыле не окажется Нарнии. Ладно, страннее уже быть не может. Я понажимала на стену, и в одном месте она двинулась под тканью. Но прорези в ткани, как у отца напротив кабинета, не было. Отец еще не прибыл со службы – это я всегда слышу – карета, высадив его, проезжает прямо под моими окнами по кругу, и выезжает за сад, где я еще не была.

Я осторожно прошла в его крыло и толкнула невидимую дверь в стене – она поддалась и открылась внутрь темного помещения. Я присмотрелась – там оказалась лестница. Поднялась два пролета и уперлась в еще одну дверь. Осторожно нажала на нее – она была заперта. Мда, вскрывать замки я не умею. Да и дверь была серьезной – из толстого массива дерева, обитая железными лентами, укрепленная уголками. В районе замка была железная полоска с замочной скважиной.

Я аккуратно спустилась и вышла в крыло. Услышала в холле шум – скорее всего, это вернулся отец. Не буду наводить на себя тень, уйду пока. Вот если бы у них был очень тонкий нож или лезвие – вот тогда я смогла бы аккуратно разрезать ткань в своем крыле и открыть дверь там. Ну ладно, успею.

Рита пришла вечером для продолжения учебы, но нового мы ничего не проходили, сейчас оставалось привыкнуть к буквам и научиться более бегло читать и писать, не вспоминая – как они пишутся.

– Рита, расскажи мне все о Валенторне. Это город или страна? – я уселась поудобнее в кровати, чтобы слушать ее. Я записывала названия и нужную информацию на языке из моего прошлого мира – так я могла насколько это возможно с пером, быстро писать, и мои записи не опасны, если найдутся.

– Валенторн, это не город, это королевство. В нем есть города и деревни, леса, поля, реки. Но здесь, Валенторном называют этот небольшой город вокруг королевского замка, – для Риты было странным рассказывать мне о вещах, что на первый взгляд были естественными. Она иногда начинала говорить «помнишь, мы проезжали его по дороге к швее?»

– Рита, рассказывай так, как будто рассказываешь это человеку из другого мира, который прилетел с другой планеты, – я пыталась шутить.

– На крыльях, как птица?

– Да, как птица, – когда говорили о птицах, мне становилось больно. У нас с Ритой разные боли, но она не была виновата в моей, а я в ее – да.

– Замок находится на горе, а под ней наши замки и леса – это земли приближенных к королю.

– Как зовут короля, и давно ли он правит?

– Короля зовут Перье семнадцатый, у него есть супруга – королева Перье. Короли Перье

правили всегда.

– Но он же семнадцатый, а до первого кто был?

– Я не знаю, мисс Лора, – этот вопрос явно ввел ее в ступор.

– У королевы нет своего имени?

– Нет, все знают короля как Перье семнадцатый, а королеву, как королева Перье. Больше ничего. Его сын будет...

– Восемнадцатым, да, я поняла. А если у него будет дочь?

– У него рождается много детей. И в это время в замке много лаур.

– Кого? Лаур?

– Да, это женщины. Чей сын родится первым, та и станет королевой.

– А остальные живут тоже с ним? – тут я начинала офигевать от жизнеустройства этого мира.

– Нет, остальных увозят в долину Хорма.

– И детей?

– Как только молодой принц достигает двадцати лет, к нему приходят девушки, которые хотят попробовать стать королевой.

– Ты тоже могла пойти к нему на этот самый отбор?

– Нет, только девушки, чьи псирты у них на руках – свободные девушки.

– Псирты?

– Бумага, где написан весь ваш род. Мои псирты ведет ваш отец, у меня на руках нет этих бумаг, но у меня есть бумага с вашей печатью, и если у меня попросят псирты, я покажу ее.

– А у меня есть эти псирты?

– Конечно, они у вас в кошельке. Вы всегда должны держать его в руках, и ни на секунду не оставлять, если вы не дома.

Рита подала мне «кошелек», что на деле оказался сумочкой в виде небольшого клатча, хоть и вместительного. Если представить этот клатч в нашем мире, в него легко войдет планшет, телефон, косметика и фляжка с коньяком. Я нашарила там жесткий лист бумаги. Он был размером как раз, чуть меньше клатча – его не приходилось сворачивать. Лист вроде ватмана, в котором сначала выбиты, потом залиты краской буквы и цифры. На первой странице я с трудом, по слогам, прочитала, что мои родители те-то и те-то, а на другой стороне листа были десять строчек в шести столбиках. Буквы были мелкие. Видимо здесь мои бабушки и дедушки. Родословная как у собаки жены директора ресторана.

– Рита, а эти женщины, лауры, и их дети, они потом так и живут там, в изгнании? Или им можно вернуться в Валенторн?

– Если человека высылают в долину Хорма, его псирты сжигают. Больше он не принадлежит этому королевству, и не имеет права быть здесь. После этого их отвозят на границу города и выпускают за ворота. А там – бескрайние дикие леса и поля, полные животных и мошенников. Правда, мошенников чаще вешают на площади. А про этих девушек – как только у короля рождается первый мальчик, остальных девушек вместе с детьми увозят за ворота. Их жизнь больше никого не интересует. Если они вернутся на территорию королевства, их вернут обратно, потому что у них нет псирт. А наш город – крепость. Сюда они войти не смогут вообще. Те, кто тайком живет в городах и деревнях королевства, не могут найти работу – их не берут без бумаги. И им приходится воровать, или работать тайно у господ за еду. Но таких хозяев и самих могут выгнать за укрывательство. Поэтому, это очень

большая редкость.

– Тут вешают людей? Прямо вот за шею? Веревкой? – я закатила глаза, высунула язык. – Прямо вот так?

– Да, вот так. Вешают убийц, воров и мошенников. И вся знать приходит на это смотреть в первых рядах. Простые люди смотрят из-за забора.

– Рита, чего-то мне не хорошо. Давай на сегодня закончим наш урок – мне нужно все обдумать. Жду тебя завтра утром, а пока, иди отдыхать, – я закрыла за ней дверь и улеглась в постель глядя в одну точку в потолке. Как мой отец может быть советником такого животного, как наш король? Что это за место такое? В истории точно нет таких мест. Это не раньше средневековья, о котором история знает почти все. Это какой-то сюр, или сказка, только страшная сказка.

Я тайком вышла на улицу, потому что мне не хватало воздуха. За замок пролезать я боялась, потому что собаке документ не покажешь, ей пофиг кого жрать – вора или хозяйку. Села на лавочку под своими окнами и пыталась сложить в голове все полученные сегодня знания. Уважаемый Архангел, конечно, спасибо, что ты решил дать мне шанс, но как здесь выжить, и как вообще, жить в этом месте, зная, что за стенами королевства страдают и умирают люди?

Я смотрела в небо, и надеялась увидеть там подсказку, ну, не знаю, звездочками по небу мог написать, или шепнуть ветром, или мог в образе оленя подойти ко мне и сказать – что делать. Но ничего не происходило, только охранник крепче взялся за ошейник дога, подходя ко мне.

– Мисс, срочно идите в комнату, опасно ночью сидеть здесь, идите, или я должен доложить о вас вашему отцу, – охранник встал напротив меня, с трудом удерживая пса. Он, похоже, не собирался уходить, а когда я встала и направилась к двери, последовал прямо за мной. Я выглянула из окна – он все еще стоял там. Потом поднял голову к моему окну, увидев свет зажженной свечи. Прошелся вдоль дома до моих окон, еще раз поднял голову – увидел меня, и пошел по своему привычному маршруту.

В голове молотили жернова, стараясь перемолоть все сегодняшние слова, сказанные Ритой. Я пыталась сложить их в какую-то более-менее понятную картинку. Надо было отвлечься. Ведь служанка ходила за ступкой, значит еще раз может сходить. И где вообще эта глухонемая Нона? Я спустилась в кухню, где две девушки пили чай, а третья чистила лук.

– Скажите, как мне попасть к мистеру Корту? – я смотрела то на одну, то на другую девушку. Лук выпал из рук чистившей его женщины в корзину.

– Мисс Лора, утром мы передадим ему все, что вы хотите сказать. Как только Саурита принесет вам завтрак, можете ей сказать, и мы пошлем к нему. Вы можете рассказать – что вам нужно взять у него, и мы принесем.

– Мне нужно сейчас. Вот прямо сейчас, срочно, проводите меня к нему, – я попробовала сыграть истеричную особу, которой «вынь да положи». Женщины испугались, но моего крика, видимо, было мало. Существовало что-то страшнее моего нескладного ора.

– Мисс Лора, мы не имеем права. И уже поздно.

– Тогда, дайте мне самый острый нож.

– Вот, – мне протянули нож, которым чистили лук. Но даже издали было видно, что порезать им можно только картошку, максимум – на две части.

– Ладно, завтра утром я приду сюда, и пусть меня ждет служанка, которая проводит меня к нему, – я проорала это как могла и вышла из кухни.

В комнате я разделась, выпила стакан воды, но лицо горело. Улеглась в постель и попыталась заснуть, потому что ничего больше сделать я не могу, даже имея огромные деньги и красоту. Что там говорил мне Архангел об уме? Неужели он был прав, и я с этим самым, каким-то особенным умом, могла решить все быстрее? Тетя Нана всегда говорила: «Хитрость это два ума», а потом засовывала деньги с продажи орехов себе в бюстгальтер. Так что, Архангел, у меня сейчас его в два раза больше.

За окном ленивый туман рассеивался под первыми лучами восходящего солнца, когда я оделась и направилась в кухню. В доме было тихо – слуги передвигались как призраки, и пользовались, в основном, задним двором.

А вот в кухне во всю шла работа: кто-то чистил овощи, кто-то рубил мясо, на плите варилось что-то в большом котле. Кому это все, если нас всего три человека? Наверное, здесь и слуг кормят – а их вон сколько. Тогда большие котлы понятно зачем.

Увидев меня, кухарка – улыбчивая женщина лет сорока, поставила на огонь облюбованный мной керамический ковш с уже заготовленным молотым кофе и добавила воды.

– Как рано вы начали вставать, мисс Лора, – она начала привыкать к привычкам этой Лоры, но все равно, действовала аккуратно и расчетливо, боясь, что прежний мой характер пробьется сквозь нынешнюю странноватость. И тогда их всех просто накроет волной моей злости.

– Хочу захватить больше времени днем, вон какая хорошая погода! – я наблюдала не только за кофе, я хотела увидеть здесь эту самую глухонемую служанку, что посещает третий этаж. В нашем мире ученые – ранние пташки, может и этот таинственный мистер Корт из их числа.

Рядом с кухаркой у плиты встала девушка и тоже поставила варить кофе – повторила все, что делала кухарка – значит, кто-то теперь тоже пьет мой кофе. Я не стала спрашивать – вряд ли мой отец изменил привычки, и сразу две: начал рано вставать, пить кофе утром, да к тому же такой густой для них. Кухарка отставила мой ковшик и стала доставать из печи пышные булочки. Я улыбнулась ей и взяла одну. Я сама когда-то стояла весь день у плиты, и знала какой это тяжелый труд. Забрав свою кружку и булочку, я осторожно отошла в сторону и сделала вид, что наблюдаю за работой кухни, и краем глаза следила за служанкой.

Она взяла две булочки, спустилась в погреб и принесла на деревянной доске кусочек масла – он блестел капельками, видимо, хранился в воде. Поставила все это на поднос, налила в кружку кофе и отошла. Я взяла кувшин, из которого кухарка добавляла молоко в воду с крупой, и незаметно долила в кофе на подносе. Пенка скрыла цвет и служанка не заметила разницы. Она открыла заднюю дверь, взяла поднос и вышла. Я аккуратно вышла за ней.

Я стояла с кружкой на заднем дворе и смотрела – куда она пойдет. Та не оглянувшись направлялась к восточному крылу, значит, там есть другая лестница. Как только она прошла за кусты, я поспешила за ней и чуть не потеряла ее из виду – она вошла в точно такую же дверь, как и выход из кухни. Конечно! Там же есть еще одна лестница – когда я вышла на лестничный марш из двери напротив кабинета отца, лестницы шли не только кверху, но и вниз. Она достала из передника ключ и вошла. Лишь бы не закрыла за собой!

Чуть подождав я легонько потянула дверь на себя – она не поддалась. Ну и черт с ней, я могу пройти через тайную дверь в крыле отца. Рысью пробежала в кухню и поднялась на второй этаж. На цыпочках прошла по коридору и открыла дверцу в стене. Я увидела, как внизу стало светло и сразу темно, стукнула дверь и повернулся ключ – видимо, служанка вышла на задний двор. Значит, можно попробовать еще раз – ученые рассеяны, значит, мог забыть закрыть дверь на этаж.

Дверь на третий этаж в этот раз легко поддавалась, несмотря на то, что была просто огромной и тяжелой. Этот этаж был другим – здесь стены не были задрапированы в ткани, это был просто камень, как и снаружи. Интересно, зимой по ним не течет вода, как у деда в деревенском каменном домике для работы? Когда он подтапливал там очаг, чтобы сидеть в тишине и часами оплетать глиняные горшки лозой, стены начинали мокнуть. Он никак не хотел делать этого дома – у бабушки был телевизор, а ему нужна была тишина. Он говорил, что лоза даже срезанная – живая, и во время работы с ней нужно с ней говорить.

Жить в таких условиях не совсем комфортно. Коридор был таким же крылом, только вот из холла не было лестницы вниз – там была стена. Теперь нужно найти нужную комнату. Здесь в сторону заднего двора были большие окна, и я увидела тот балкон, на котором отец разговаривал с женщиной, когда мы наблюдали за ними из кустов. На балконе стоял кованый столик и два кованых стула с высокими спинками. На столе стоял поднос, а на стуле спиной ко мне сидел мужчина с книгой. Он пил кофе и внимательно читал.

– Как вам кофе с молоком? – я старалась говорить плавно, чтобы не напугать его, выбрав момент, когда он поставил чашку.

Он резко повернулся и выронив книгу из рук подскочил с места. Кроме испуга в его взгляде читалось недоумение. Ну не мог же он не знать меня в лицо, раз жил здесь не первый месяц.

– Вы напугали меня, мисс Лора, – о! знает кто я, и то хорошо.

– Я не хотела. Просто хотелось посмотреть – кто оценил мой напиток.

– Да, я оценил. Служанка показала, что вы сделали с семенами, когда я спросил о ступке, и я попросил ее повторить для меня этот напиток. А потом не смог заснуть и работал пол ночи. Теперь я решил его пить по утрам – так я быстрее прихожу в рабочее настроение.

– Да, вы молодец. Именно так, – я прошла на балкон, и хотела сесть, но он быстро взял один из пледов, что висели на его стуле, и расстелил на втором. – Нужно положить одеяло, иначе, железо еще холодное. Но здесь так хорошо утром, что я даже в холода выхожу сюда.

Над балконом крыша была вынесена метра на два, и даже в дождь здесь, наверно, приятно посидеть.

– Ага, хорошо тут у вас. У меня нет балкона, я бы тоже сидела так по утрам. Да и не только по утрам.

– Это вы добавили молоко в напиток?

– Да, извините, служанка не видела. Просто, раз вы оценили напиток, значит вам мог понравиться и с молоком – сливок я не нашла – с ними еще вкуснее.

– Отличный вкус, мягкий и приятный.

– Извините, что пришла без приглашения, но, как я поняла, приглашения с этого этажа никогда не поступают ко мне, – я улыбнулась и села. Он сел сразу после меня.

– У меня слишком много работы, да и мистер Гросарио никогда не говорил, что вы интересуетесь наукой, – он красиво смущался – брови его говорили больше языка и жили своей жизнью, как у мима. По его бровям можно было читать его настроение и его эмоции. Он был похож на итальянца. И я так долго смотрела на него, что мне стало неудобно.

– Нет, все нормально, меня привлекла вот эта вот таинственность – какой-то человек живет в нашем замке, а я его даже не видела.

– Кроме вашего отца и Наны меня никто здесь не видел. Ну, вот, теперь и вы. Люди знают, что здесь живет кто-то, но в лицо лучше не надо.

– Почему такая тайна?

– Отец должен был рассказать вам, ведь вы его будущая замена при дворе. Странно, что вы спрашиваете, – он сощурил глаза и сдвинул брови, чуть наклонил голову и посмотрел мне в глаза. Если бы мне было шестнадцать, после этого взгляда я не спала бы как минимум три ночи.

– Вы в курсе, что недавно я болела после падения с лошади? – я сделала вид, что отпиваю из кружки, хотя она была пуста, чтобы хоть как-то спрятать растерянность.

– Да, я знаю об этом случае. Рад, что вы поправились, поскольку ходили слухи, что вы можете больше не очнуться.

– Спасибо, сейчас все хорошо. Просто... я плохо помню детали всего... ну, после удара головой, понимаете? – я как могла делала лицо беззаботной девчонки, основная задача которой – помнить о том, что завтра у короля бал.

– Поля с пшеницей, да и вообще – все посадки в королевстве... с ними в последние три года что-то происходит странное: прорастает меньше трети семян, растения дают мало завязей, ну и плодов. Мы с вашим отцом и его величеством вскрыли семенной фонд, но как только мы взяли оттуда на опыты совсем понемногу всех семян, замок, где содержатся семена и все наработки по новым растениям, записи по скрещиваниям, сгорел. Это был целый научный факультет.

– Ничего себе, пердимонкль, – я сказала и прижала ладонь ко рту. Начало фразы мой внутренний цензор поменял на удобоваримые слова, а вот с последним словом не справился, видимо в его словаре нет такого ругательства. Я даже обрадовалась и улыбнулась.

– Что такое пердимонкль, мисс Лора? – мистер Корт улыбался со мной, но явно не понимал, что значит слово.

– Мистер Корт, это значит «ничего себе дела», только такие дела, когда явно творится что-то странное, – я не знала, как перевести слова, которое в моем мире не вызывало вопросов.

– А, понятно. Очень занятное слово, никогда не слышал. Запомню. Так вот, у нас на руках остались крохи от запасов, которые хранились со времен Перье Пятнадцатого – деда нынешнего короля. И пробы посевов оказались хорошими. Мы проделали много работы, чтобы взойшло каждое семечко, каждый росток лелеяли как ребенка, потом собрали семена и в этом году посеяли уже больше. Только вот весной, буквально за пару месяцев до вашего несчастья на охоте, в оранжереях королевства поймали человека, что пытался испортить рассаду. Его вовремя поймали, но он ничего не стал говорить, и его повесили.

– Прямо за шею, по-настоящему? – снова повешенье, Боженьки, как мне тут жить то?

– Конечно за шею, мисс Лора, не за руку же повесят врага, который хотел навредить нашему королевству! – Корт был удивлен моим вопросом. Надо осторожнее с эмоциями. Ну, просто мне было непривычно, что человека могут при всех лишиться жизни, и если даже он будет просить и умолять, ему никто не поможет. Брр, страшно даже представить.

– Простите, мне немного страшновато от таких мыслей.

– Мисс Лора, зовите меня Троем, я очень рад, что наше знакомство состоялось и вы познакомили меня с таким напитком. Где вы узнали его рецепт? У нас много деревьев с этими зернами, но используем мы их, как оказалось, совсем не правильно.

– Хорошо, тогда вы тоже зовите меня просто Лорой. А про кофе – просто, как-то нашла зернышко и попробовала разжевать, оно оказалось таким вкусным, что очень хотелось передать вкус напитку.

– Значит, вы тоже немного ученый, раз пробуете все новое.

– Что вы, Трой, для того, чтобы быть ученым, нужны знания.

– Лора, для этого достаточно быть внимательным и усердным, – он сказал так, как говорил мой дед. Мы обрабатывали виноград, и я не понимала какие ветви нужно обрезать, и я злилась, что никогда не запомню. Он отвечал на это с терпением и улыбкой, что нужно быть внимательным и усердным. А еще, что нужно быть терпеливым и добрым. Я скучала по ним каждый день, и хоть ушла та боль, что в первые годы сжимала грудь будто тисками, осталась грусть.

– Да, Трой, я согласна с вами.

– Лора, прошу простить меня, но мне пора работать. Скоро за мной подъедет карета, и я поеду в оранжерею, что мы обустроили на ваших землях. Там мы тайно восстанавливаем то, что потеряли, и у нас много работы. Крестьяне беднее и беднее с каждым годом, двор так же, испытывает недостаток необходимых овощей и зерна. Если это продлится, крестьяне придут в города.

– А в городах нет работы?

– Похоже, вы сильно ударились головой, Лора.

– Не говорите отцу – он будет переживать. Я пытаюсь вспомнить все, кое-что уже смогла.

– Лора, Лора, мисс Лора, – кричали на улице, и я поспешали уйти с балкона. С улицы кричали служанки, а из замка орала моя мать.

– Да, вас потеряли. Я рад, что вы заглянули. Приходите утром снова, я не закрою дверь, – он улыбнулся, выглянул за дверь, посмотрел на лестницы и махнул мне рукой, мол, можно идти.

– Мама, чего ты раскричалась, я здесь, я вышла из крыла отца в холл ровно в тот момент, когда открылась дверь кабинета.

– Лора, ты где была, все ищут тебя! – отец, видимо, готов был уже выехать на службу – он был одет и держал в руках кипу бумаг в папке с кожаными завязками.

– Отец, я просто гуляла, все хорошо. Я взяла кофе в кухне и вышла на задний двор – там прекрасный лес, – я взяла его под локоть, и повела книзу. – Давай скажем всем, что я была с тобой в кабинете, иначе мамане перестанет орать, и к обеду у нас будет болеть голова.

– Мамане? – какое замечательное слово, я запомню, – отец смеялся, а мне надо быть поаккуратнее с языком, и так все видят, что Лора не в себе – привыкли к истеричке, что гоняет дом своим визгом, а тут я – тише котенка.

Я проводила отца к карете, и увидела, что она поехала вдоль замка и завернула за восточное крыло – наверное, там к карете выйдет Трой, и они вместе поедут в оранжерею. Интересно, а далеко они находятся?

– Лора, сколько можно, швей ждут тебя уже давно, и все служанки, вместо того, чтобы заняться делами, ищут твою милость, – на крыльцо вышла моя мама. Она была так зла, что ее подбородок подрагивал.

– Миссис Гросарио, хватит орать, я не ваша служанка, возьмите себя в руки, если меня нет в комнате, значит у меня есть дела, – тем же тоном ответила я и заметила перемены в ее лице – она моментально стала адекватной.

– Лора, дочка, идем, нужно в последний раз примерить платье – завтра мы едем на бал. Это последняя примерка. Если что-то нужно поправить, у швей останется только ночь, – она улыбнулась и вошла в дом.

То-то же, надо людей глушить их же оружием. Со скромными вести себя тихо и

спокойно, а с хамами не бояться быть хамкой, иначе сядут на шею и будут погонять, да еще и орать при этом. Жизнь меня научила этому очень поздно – когда я потеряла все что могла – слишком доброй и доверчивой я была, и примеряла каждого к себе, боялась обидеть. Здесь я снова эту ошибку допустить не могу – у меня больше может и не быть шанса.

Платья были чудесные – плотная ткань держала форму, рукава с легким фонариком у плеча только подчеркивали тонкие запястья, идеальные выточки повторяли верхнюю часть словно вторая кожа. Самое главное, они не стесняли движений.

Я примерно такие шила для кукол Барби, вернее, на одну куклу, которую мне купил дед уже годам к восемнадцати – они только пришли к нам. И я тайком от подруг сидела вечерами, и шила кринолины. Но шила я чаще саму куклу, чем платья, потому что китайская подделка расходилась по швам спайки. На этом мои швейные навыки и закончились.

Глубокий вырез декольте густо украшает вышивка гладью, но нити такие фактурные, что она кажется отдельным элементом ткани. Юбка как наша юбка-солнце – держит форму благодаря крою по косой. Три нижних юбки придают низу объем, но не сковывают движений. Единственное – очень тяжелый набор для танцев, которыми мне придется заниматься весь вечер. Нет, шесть вечеров без выходных. Это не праздник – это работа какая-то!

Радовало, что это место не знает корсетов – эта мысль заставила улыбнуться, потому что, попади я сюда в своем прошлом теле – его стоило придумать, и вот тогда я стала бы самой богатой женщиной. Тетеньки везде одинаковые, и дай им возможность выглядеть тоньше, они ее непременно используют.

Каждый наряд был по своему удивительным, и речь здесь не о цветах – они все идеально шли как к цвету волос, так и к лицу. Я стояла перед своим салонным зеркалом, что установили у окна, и представляла себя Золушкой. Только вот мне совершенно не хотелось принца. Нужно обратить внимание на мистера Нотинга – я не хотела замуж, но так сильно хотела ребенка, что готова была бросить идею о замещении отца.

Нет, нет, Лали, не пора еще, не пора. У нас много времени, и с отцом все хорошо – он полон сил и здоровья. У тебя есть время, чтобы ознакомиться с жизнью при дворе, с обязанностями отца. Уж если мне Архангел обещал ребенка, значит он будет. А сейчас я должна сделать все, чтобы не зависеть от здешних мужчин – плавали – знаем, чем это заканчивается. Как в джунглях – расслабился, и вот ты уже получаешь «удовольствие».

– Мисс Лора, ты будешь самая красивая на балу! – Рита говорила искренне. – И это еще без прически! А когда ваши волосы уложит мадам Корье, ты станешь сказочной!

– Что значит, сказочной, Рита? – хм, я даже не думала о том, что здесь есть сказки. А ведь они расскажут много о народе. – Где можно почитать сказки?

– Сегодня вечером я принесу самые лучшие, и мы с вами почитаем.

– Хорошо. А твои платья готовы?

– У меня три платья, я буду менять их через день, но они тоже очень красивые.

Примерка и подгонка закончилась только после обеда – я четыре с лишним часа стояла на табурете, и спускалась только для того, чтобы снять наряд, передать швее и надеть следующий, который тут же переходил в руки швей, и так по кругу.

– Рита, неси обед сюда, у меня нет сил.

– Ваш отец ждет вас для общего обеда, у него в гостях мистер Нотинг – его заместитель. Стол уже накрыт, я принесла вам одежду и готова быстро убрать волосы, – Рита была настроена боево – слова мистера Гросарио здесь – закон.

– Ладно, расскажи мне, пока надеваешь на меня все это, он нравился мне как человек,

как мужчина?

– Да что вы говорите, вам не нравится никто кроме вас самой, ой, простите, но я говорю, как было!

– Конечно, только истинную правду – что было до моей травмы.

– Так вот, он вроде хороший парень, но уж больно мягкий – как подушка. Это лучший вариант, если вы хотите выйти замуж – он будет слушаться вас, но в последнее время он сильно обижен вами.

– Что я натворила?

– Вы унизили его при всех, назвав скучным и топчущимся на месте тьюфом. Это было на собрание при его величестве, на которые вы ездите вместе с отцом раз в месяц. Когда мистер Ноттинг предложил вашему отцу принять предложение какой-то очень далекой страны, не запомнила название, вы сказали ему, что нашему королевству нужно быть самостоятельным. Отец говорил с вами об этом случае, а я была в комнате и слышала все. И вы его вот так обозвали. Король даже немного подтрунивает сейчас над ним. Какому мужчине понравится такое, ну, вы понимаете! – Рита укрепила прическу, сделав ее более пышной, размотав мой пучок, с которым я хожу здесь с первого дня – не нравятся мне все эти сложные кандибоберы на голове.

– Ничего себе я дрянь, – я подумала, и добавила: – Была дрянь. Я так больше не буду, Рита.

– Ага, сегодня я слышала, как вы миссис Гросарио на место поставили, я уж думала вернулась старая мисс Лора, и хотела в леса бежать, – Рита смеялась вместе со мной.

– Рита, у меня просто закончилось терпение, – мы вышли из комнаты и прошли в среднее крыло на первом этаже. Комната была большим залом с занавешенными окнами, правильно – за окном должна быть стена крыла с кухней, но есть все же приятнее в светлой комнате. Там был накрыт стол, за которым я увидела только маман, она напевала под нос и кушала что-то вроде пахлавы – сладость блестела маслом и распадалась на слои. Свечи горели на столе и настенных светильниках – было достаточно светло, но было ощущение глубокого вечера и потерянного дня.

– Приятного аппетита, мамуля, – надо брать ее первой, пока жует, а то спросит чего-нибудь, а у меня не окажется ответа.

– Что? – она перестала жевать и уставилась на меня.

– Не стоит есть сладкое перед едой, мамуля, это очень плохо для желудка.

– Для чего? – ее ступор стал еще более занимательным.

– Лора, мы рады, что сегодня ты можешь обедать с нами, – из смежной комнаты вышел отец, а за ним молодой мужчина лет двадцати пяти. Он был неожиданно красив, и имел внешность ангела – такие очень долго остаются милыми и приятными – черты лица остаются мягкими даже в пятьдесят. Светлые, чуть волнистые волосы, немного вздернутый нос придавал ему образ задиры, полные чувственные губы открыты в приветственной, но ненатянутой улыбке – я точно нравилась ему. Его движения напоминали кошачьих – очень плавные, мягкие, словно плывущие в комнате – было приятно смотреть на то, как он шел ко мне, как откинул назад волосы, как взял мою руку в свою и чуть наклонил голову.

– Мисс Лора, я рад, что вы здоровы. Мы все очень переживали за вас и мистера Гросарио, который не мог больше думать ни о чем, кроме вашего состояния, – он отпустил руку, но у него, в отличие от меня не было вопроса куда ее деть – он согнул ее в локте и держал на уровне живота, словно ждал, что я возьму его под руку.

– Льюс, спасибо, мы сейчас, наконец, вернулись к прежней жизни. Сейчас Лора немного оправится, посетит балы, и мы вновь примемся за работу. Идемте к столу, слуги готовы подать горячий обед, а я страшно голоден.

Ага, Льюс, надо запомнить. Ну, он ничего такой, не похож на тьюфяка, может просто добрый и мягкий, а Лора со своим нравом императрицы считает, что можно оскорбить человека при его начальстве. Хамка. Хамка и дрянь, ну ничего, Льюс, думаю, мы с тобой подружимся и сработаемся. Вот кто напомнит мне все детали, что касаются работы!

Я была такой голодной, что только чувство приличия позволяло сдержать напавший на меня страшный жор. Я доела суп, мне сменили тарелку и принесли мясо с горошком. Очень мягким и нежным, такие сорта у нас успевают в самом начале лета и держатся в меню сезонных блюд не дольше недели – уж очень прихотливы в хранении и быстро перерастают и становятся жесткими. Взяла бокал и чуть не отхлебнула, опомнившись только от запаха, ударившего в нос газами и амбрэ бормотухи. У меня от этого запаха сразу всплывал момент, когда я тонула. Я отставила бокал. Подошла служанка, и я попросила принести чай.

– Лора, тебе не нравится вино? – маман отпивала из бокала и закусывала кусочками мяса.

– Я не хочу, от него в желудке есть неприятная тяжесть, тем более днем, – я хотела закрыть тему, но поздно поняла, что снова совершила ошибку.

– Что такое желудок, Лора, ты второй раз говоришь это слово, и как я поняла, оно касается еды. Что такое желудок? – кроме мамы на меня внимательно смотрели мужчины.

– Это место в животе

– Какое место, Лора? – теперь к допросу подключился отец.

– Там, внутри, место, где переваривается пища.

– Что значит переваривается? – Нотинг решил присоединиться и уже улыбался, отложив приборы.

– Та пища, которую мы съедаем попадает в желудок, и там переваривается, ну, это как перемешивается, мелко перетирается, а потом усваивается.

– Таак, Лора, у тебя все хорошо, голова не кружится? – отец с серьезным видом вставал, отложив салфетку, и направлялся ко мне. Нет, только не сейчас. Я еще хочу есть, у меня кроме кофе с раннего утра ни росинки не было во рту. Не моя вина, что у вас здесь не знают о желудке. Надо выяснять где я.

– Ха, ха, какие вы смешные, – кроме как это, из меня ничего не выдавилось, идея сама, как вспышка, возникла в голове. – Ну что же вы такие серьезные, и пошутить нельзя. Откуда мне знать, что там внутри? – я смеялась как могла, и увидела, что отец остановился и тоже начал осторожно улыбаться, а потом засмеялся по-настоящему.

– Доченька, ты стала странно шутить, наверное, тебе не стоит читать эти журналы для горожан, где рассказывают о том, как ведьмы обороняются на судах. Скорее бы их всех перевешали, – мама тоже смеялась, но мне стало не смешно – второй раз за день про повешенных, и это только обед. День повешенья какой-то. Ладно хватило ума не спрашивать, вешают ли их прямо за шею. Сработала, наверное, моя хитрость – раньше я бы не смогла так быстро отмахаться.

Аппетит пропал неожиданно – только что я считала, что могу съесть быка, а тут прямо как отшептали от тарелки. Я выпила чай, принесенный служанкой, посмотрела на стол и решила валить отсюда, пока снова чего лишнего не брякну.

– Извините, мне все же тяжело столько времени сидеть, я пойду прилягу. Спасибо, что

навестили нас, мистер Ноттинг, надеюсь, скоро мы с вами встретимся, чтобы продолжить работу, – я начала вставать, и Рита сзади отодвинула мой стул. Льюс отложил салфетку с коленей, встал и подошел ко мне. Он снова потянулся за моей рукой и я охотно протянула ее ему. Когда он ее чуть сжал, я ответила таким же сжатием, и увидела в его глазах огоньки радости. Надо же, забили парня и запугали, а он вон какой добрый и теплый.

– Отдыхайте сколько нужно, мисс Лора, мы все еще успеем, ваше здоровье сейчас – самое важное, – он чуть поклонился, и я решила, что на этом все. Посмотрела на отца – он не вставая мотнул головой и продолжал есть. Мама смотрела на меня очень внимательно и кусала внутреннюю сторону нижней губы, это значило, что она думает о том, чего очень хочет избежать – я знала этот жест как никто. Хоть бы отмазка про шутку сработала!

– Рита, срочно рассказывай про ведьм, – я начала расспрашивать, как только за нами закрылась дверь. – Снимай все эти красоты с меня, и рассказывай.

– А что с ведьмами? Ведьмы тут – хуже воров и предателей королевства, потому что обманывают и несут мор людской.

– Как обманывают? Все расскажи.

– Ну, они нарушают Божью волю – если человек должен умереть, так решил Бог Гасиро. Сейчас вот все винят ведьм, что поля умирают, что урожая нет. Раньше их отлавливали и выгоняли за королевство – только язык отрезали и клеймо на лбу ставили, а сейчас вешают, и сразу после этого топят. – Рита говорила спокойно, словно это было будничным и естественным событием – повесить и утопить человека как сходить сначала в супермаркет, а потом зайти в кафе.

«Только язык отрезали и клеймо на лбу ставили» – да вы шутите? Только? Бог мой Иисус, не оставляй меня одну наедине с этим Гасирой, я ведь крещеная, а ты ведь не за тело, ты ведь за душу отвечаешь, значит ты со мной.

– А как можно доказать, что это ведьма? Или она прямо колдует на глазах у всех? Или любую могут схватить, которая не понравится инквизиции?

– Кому не понравится?

– Как называются люди, которые ведьм ловят?

– Дети Гасиро, как еще-то. Они и слова о Боге рассказывают, и в семьи приходят жить, если кто Бога забудет – напоминают и на путь прежний ставят.

– Ужасно, – это я сказала, а подумала вообще другое слово.

Так вот почему мать побелела как тряпка в хлорке, когда я про внутренности начала трюндеть. Вот почему отец встал. И это я еще при чужом человеке! Как приставят к нам сейчас такого сожителя с Гасирой в голове, и накроются все мои планы полной Гасирой. Ведьмы, значит, лечат людей, а врачи здесь на что, ведь сидел со мной этот дяденька рядом, когда я очухалась.

– А врачи есть? Ну, доктора или знахари?

– Нет, я таких слов не знаю, мисс Лора.

– А кто сидел со мной, когда я пришла в себя?

– Так Дети Гасиро и были, приходили по одному в день и говорили с тобой – Богу про тебя рассказывали, просили вернуть, ведь ты в его руках. Раз выжили вы – значит он решил так.

– Ясно, Рита, видимо, сказки на сегодня отменяются. Теперь срочно рассказывай про завтрашний бал – что там нужно делать, как с королем себя вести?

Мы говорили до темна, потом репетировали странные закрутки ногами, которые

нужно станцевать перед его величеством, и много другого, пока в животе не заурчало. Ели мы вместе и молча. Думала я о ведьмах. Язык мой – друг Детей Гасиро, которые в любой момент могут меня сначала подвесить прямо за шею, а потом утопить – прямо в воде. И все, здравствуй, доктор Хаус, это я, уровень я завалила, давайте начнем сначала. А он скажет: сделайте ее кошкой, и отправьте родиться где-нибудь в селе Осинки Московской области у бабки Настасьи.

Представляя, как буду жить, будучи кошкой, и оставят ли мне мозг человека, заснула.

Проснувшись от шума по всему коридору. Похоже, громко шептались там все, кто есть в замке. Я выглянула в коридор, в его начале – в холле у лестницы толпились служанки и незнакомые мне женщины. Я подошла к ним, и поняла, что вся эта делегация прибыла в крыло моей мамы. Тут были швеи, помощницы швей, мадам Корье с помощницами, что будут делать прическу сначала маме, а потом и мне. Ладно, хоть не сразу ко мне, может еще успею к Трою на кофе.

Забегала в кухню, и сама начала варить – кухарка бегала как заведенная – день сегодня прямо так скажем не очень обычный – столько народу и такое событие – целый бал у короля! За то глянула она на меня с благодарностью, а я ей улыбнулась.

К Трою я пробиралась тем же путем – через крыло отца, только вот пришлось Риту попросить постоять в проходе – загородить меня от толпы. Дверь была открыта, как Трой и обещал.

– Я думал вы сегодня не придете, там такое творится – кареты снуют туда-сюда, – он шел ко мне с балкона, – хоть один адекватный человек тут – ученый, поди он то понимает, что вешать за шею лекарей – себе хуже делать.

– До меня еще очередь не дошла, так что, у меня есть немного времени, а вы не торопитесь?

– Я сегодня не выезжаю из замка – всем не до меня, так что, работаю сегодня здесь.

– А на бал вы не идете?

– Я не приближен к королю так близко, как вы, да и лишний раз лучше не попадаться людям на глаза.

Мы вышли на балкон и сели за стол. Сегодня собирался дождь – небо было стальным и тяжелым с самого утра. Было бы хорошо, если мне не пришлось ехать на бал – сидеть здесь и говорить с ученым было намного интереснее, чем притопы перед королем и тупые танцы под дудки – по описаниям Риты, они были самым модным сейчас инструментом.

– Трой, что вы думаете о ведьмах?

– Какой неожиданный вопрос ранним утром от столь милой мисс! – он сначала опешил, а потом засмеялся.

– Я не верю в них.

– Но, тем не менее, они есть, мисс Лора.

– Думаете, именно они вредят полям и портят семена?

– Это скользкая тема, мисс Лора, – он как-то съежился и чуть оглянулся по сторонам. Потом встал и ушел с балкона. Я услышала звук замка – закрыл дверь на ключ.

– Я не верю, что они портят поля и семена, Трой.

– Я тоже не верю, но это мы обсуждать не можем, Дети Гасиро знают точнее.

– А то, что они лечат людей – не дают им умирать, на это что скажет ученый?

– Мисс Лора, я сейчас занят очень сложным делом, и лучше отложить этот разговор на потом, давайте я закрою за вами дверь, – он встал и положил на стол тетрадь, что носил с собой. Я посмотрела на нее, и увидела их алфавит в столбик, а рядом неизвестные загогулины.

– Что это, мистер Корт? – я назвала его более официально, чтобы он перешел на деловое общение.

– Я придумываю шифр, Лора, он мне нужен для общения с вашим отцом без короля.

– Я могу вам помочь, у меня есть готовый

– Не может такого быть, Лора.

– Может, дайте перо.

Он открыл тетрадь, принес перо и чернильницу. Я знала их алфавит, и шифр должен быть понятен им, а на русском они читать не умеют. Это классно. Так я и дам его, и не дам. Просто насквозь прописала от «Я» до «А» третьим столбиком наши буквы.

– Вот, смотрите, такие буквы вообще не похожи на наши буквы, как будто это просто набор знаков, ну, или кто-то баловался. В них нет очередности, а значит, шрифт не разгадать. Пользуйтесь, мистер Корт. Очень жаль, что мы не смогли поговорить как друзья, проводите меня, – я отправилась к двери, а он стоял с тетрадкой и тер висок, так что мне самой пришлось открыть дверь и выйти, оставив его с моим шрифтом.

Рита дежурила в холле, и шипела на меня, мол, увидят – меня поругают, а ее накажут. Мы пошли в комнату, куда служанки уже носили воду, наполняя ванну. Рита принесла завтрак, и дала понять, что сегодня еды не будет до ночи – на балу девушкам есть не принято – платье лопнет. Лицо у них лопнет, блин – людей вешают, людей в долину на голодную смерть отправляют, фанатикам поддакивают. Психовала, но ела, кто знает, может и к столу не подпустят, а у меня еще растущий организм и плохо для желудка есть один раз в сутки. Главное – больше никаких желудков и селезенки, иначе да, прямо за шею.

В обед процессия из одевалиц и парикмахеров пришла ко мне. Я уже сидела начисто отмытая, с коротко остриженными ногтями, в майке на бретелях, панталонах и чулках. Стул поставили посреди моей комнаты. Дорогой Архангел, я могу быть и пострашнее, и победнее, но можно мне другое место?

Через четыре часа у меня на голове вырос кандибобер размером со свадебный торт. Вся длина волос была использована так тщательно, что я пожалела, что не остригла их. Если мою прическу забрызгать синей краской, я могу косплеить Мардж Симпсон[1].

Теперь мне полагалось встать на табурет и запрыгнуть в платье – спуститься в него, потому что, если положить на пол, на нем будут заломы и складки. Стоп, стоп, а как же присесть? А присесть, оказывается, можно будет только в карете, но не раньше, потому что заломы от дивана кареты известны дамам, и они простительны.

– Ужасно, – пробубнил мой рот, используя встроенный переводчик негодных слов, потому что я сказала пятнадцать слов возмущения, а вышло только это. Где ты был, Архангел, со своей программой замещения, когда меня вышерли из ресторана.

Ладно хоть каблуков они не придумали, – думала я, направляясь к карете. С мамой мы ехали в разных, потому что два платья там не умещались. Отец уехал прямо перед ней. В уголке моей кареты сидела Рита и боялась двигаться, чтобы не задеть платье.

– Рита, а как можно избежать бала?

– Только если вы будете лежать без сознания, мисс Лора.

– Значит никак. Рано я очухалась, вот после этого всего – было бы в самый раз.

Мы выехали за наш сад, и я впервые увидела то, что называли «королевством». От нашего замка дорога тянулась между деревьями, они стояли «по ниточке» – ровнехонько. Королевский замок был на высокой горе, как рассказывала Рита, но пока его видно не было, зато сейчас хорошо была видна «Великая королевская стена», как я окрестила каменный забор, к которому дорога вильнула лишь раз. Это высоченное сооружение – крепость, на которой размещалась оборона.

– Там, по верху ходят солдаты, их очень много и у всех луки и топоры, – Рита рассказывала о том, на чем останавливался мой взгляд. – С другой стороны крепости город, там живут ремесленники, купцы, там есть несколько заводов, где работают люди из поселков. Потом деревни и поля, и еще города, но чем дальше от замка, тем беднее люди.

Ну, все как везде. Здравствуй, средневековый МКАД, в этой жизни я живу прямо возле «Красной площади», но что-то мне подсказывает, что везением это назвать нельзя.

Дорога начала подниматься в гору и вдаль, наконец, показался королевский дворец – крепость. Вот он-то был точной копией замков из сказок – множество башенок, соединённых стеной, а внутри что-то готическое, с крышами, словно стрелы. Ближе я рассмотрела детально – сужающиеся кверху оконные проемы, что начинаются от второго этажа, многослойное обрамление окон. Такие я видела только в сказках, и даже не уверена, что это готика.

Карета переехала мост – конечно, как без него! Скорее всего, его поднимают, когда злые вражины хотят убить «доброего короля». Наш-то, вообще – спит ли ночами, имея за стеной такое количество дядьев, братьев и сыновей – бастардов? Карета подъехала к открытым воротам, на секунду встала и покатила внутрь. У входа было несколько слуг, что помогали выйти моей маман. Она была со своей служанкой. Отец тоже стоял здесь, высматривая мой транспорт. Я вышла, боясь сделать неверный шаг и запутаться в юбках. Вместе мы поднимались по высокой лестнице к открытым дверям, высоту которых можно приравнять к трехэтажному дому. Мда, дорого и с бомбошками, все как надо!

Мы вошли по длинному коридору в большую залу, и подняв голову я увидела наших кормильцев – короля и королеву. Мы шли по центральной аллее залы, на которую не выходил никто. По левую и правую сторону были люди – я вертела головой, хоть и знала, что это неприлично.

За спинами гостей, у стен, толпились служанки и компаньонки.

Король сидел в кресле, но здесь сравнение со сказкой можно закончить – кресло было невысоким, с подлокотниками и мягкой спинкой, но она была ниже головы. Мой трон в туалете выглядел значительней – интересно, кто постарался привить мне прямо с туалета любовь к трону? Я быстро рассмотрела короля и его семью и при пересечении серой полосы на полу, как учила Рита, опустила глаза и наблюдала за происходящим впереди исключительно через опущенные ресницы.

Королю чуть за сорок или около сорока. Если бы он был одет в джинсы и свитер, то я могла принять его за слесаря из ЖЭКа. Я думала, король должен иметь какую-то породу, читающуюся на лице без всяких корон. Короны не было, была шапочка синего цвета и такой же синий плащ, накинутый на плечи. Под плащом был пиджак – сюртук, как носил мой отец, синяя, только немного светлее, нежели верхняя одежда, рубашка с манишкой, узкие прямые брюки, туфли, отороченные мехом.

Принц, что стоял у его правой руки был одет так же, только синей шапочки на его голове не было. Парень был достаточно симпатичный – похож на мать. Темноволосый с легким намеком на полноту, но она ему шла и придавала свежести, молодости. Лет восемнадцать – двадцать.

Королева стояла у левой руки, положив свою правую руку на плечо короля. На ней было синее платье с кринолином, но верхняя часть была закрыта перелиной из белого меха, похожего на горностаевый. На голове сложная прическа, но чуть ниже моей – видимо она уже познала дзен этой жизни и состригла лишние сантиметры.

Шаг идущих впереди родителей стал короче, и я тоже начала притормаживать. Остановка должна быть плавной, как перед светофором. Жаль рядом не было Риты – при входе она ушла правее, сразу к стене, и уже там должна была пробраться к нам. Как только мы вышли из кареты, она передала мне клатч с моими документами. Плюс от его ношения был один – было чем занять руки. Все были с такими клатчами, и держали их перед собой обеими руками, чуть согнув руки в локтях. Если на них написать номер, это выглядело бы как смотр на конкурсе красоты в средней школе.

[1] Мэ́рджори Жакли́н «Мардж» Сѣмпсон – постоянный персонаж мультипликационного сериала «Симпсоны»

Глашатай громко назвал наши имена, регалии отца и его должность. Как только он замолчал, мы повернули и встали в первом ряду. Королевская семья теперь была справа от нас. Ближе к ним стоял отец, потом я, и слева от меня – моя мама. В зале повисла тишина, прерываемая редким звоном колокольчика.

Король встал и произнес пафосную речь, в которой объявил, что летний бал можно считать открытым. Люди оживились и начали перешептываться, отец подошел ближе к королю и встал рядом с наследником, только чуть ближе к залу – подниматься на невысокий помост имели право только члены королевской семьи.

Вдруг грянула музыка. Если эту какофонию можно назвать музыкой. Ощущение было, будто на подземной стоянке Ашана включились все автосигнализации. Три часа говорите длится это «безудержное веселье»?

– Мисс Лора, вы танцуете? – мистер Нотинг был очень кстати сейчас, потому что мать моя прибилась к кучке ровесниц, отступив назад и выдвинув вперед своих дочерей.

– А можно не танцевать?

– Нет конечно, если вас приглашает заместитель советника короля! – парень улыбался так естественно, что я даже обрадовалась его появлению.

Взяв свои документы подмышку, я направилась с ним в центр зала. Перед нами расступались уже танцующие пары. К танцу мы приступили как к работе – приходилось высчитывать шаги и время между приседаниями. Нужно было непременно улыбаться своему кавалеру. Я старалась соответствовать, но музыка не прекращалась. Как сказал один великий человек: танец – это выражение своих чувств. Этот танец выражал недоумение, боль, страх и вопрос: «когда все это закончится».

Льюс вдруг остановился посреди играющей музыки, я осмотрелась и увидела, что остановились все, словно сломанные куклы – просто перестали двигаться и встали.

– Мисс Лора, вы пропустили сорок восьмой такт? – он был очень удивлен.

– Наверное, мистер Нотинг, – я решила не выяснять что за такт, и что там надо считать. – Мы можем выйти на улицу, или посидеть где-то?

– Вы меня удивляете. Вы всегда были в центре и вам нравилось, что люди восхищаются вашей красотой, а сегодня вы словно потерянная.

– Это после травмы – устаю очень быстро, но ничего, восстановлюсь.

– Добрый день, прелестная мисс Лора, как я счастлив, что вы вновь с нами, – незнакомый мужчина подошел ко мне сбоку, и пришлось немного повернуть голову, чтобы увидеть источник прекрасного чуть грассирующего голоса. Его «Р» звучало глухо, но мелодия голоса была восхитительной.

– Мистер Дюбар, мисс Лора хочет выйти, просим прощения, – Льюс вовремя озвучил имя мужчины, который интересовал меня пуще других, представленных в моей новой жизни персонажей мужского пола.

– Мистер Дюбар, идемте с нами на улицу, у меня здесь кружится голова, – я не заметила, как за моим плечом появилась Рита, и пошла слева от меня, не давая шансов встать слева ни одному из мужчин – слева от женщины может стоять только муж, или другая женщина.

– Да, конечно, если мисс Лора позволит присоединиться к вам, – когда он говорил, чуть

наклонив и склонив голову, взгляд был направлен из-под приподнятой брови. Я с трудом выдержала его взгляд, но глаза забегали, и я палилась как старшеклассница. Молча кивнув я направилась к выходу.

Дюбар оказался на удивление красивым сорокалетним франтом – ровно постриженные виски, словно вылепленный нос и скулы, четко очерченные губы. В моем представлении так мог выглядеть дьявол, искушающий женщин. В нем сочетались ярко выраженное спокойствие, уверенность в себе, и какая-то интрига. Высокий и статный, и когда я увидела его в рост, вспомнила Кларка Гейбла в роли Рэтта Батлера из «Унесенных ветром». Вот где была порода. И как мне сейчас думать, что он хотел убить меня? Но ведь хотел и жениться... Лора отметала принципиально всех, желая получить место советника сама, или же в каждом из них есть какой-то минус?

Мы спустились с крыльца и отошли в сторону от центрального входа. Мама с подругами выкатили следом за нами, и я видела, как она поворотом головы показывает на нас закатывая глаза.

Нотинг стал не интересен, как только я увидела Дюбара. До встречи у меня было так много вопросов к нему, а сейчас я стояла не в силах открыть рот и сжимала ладони в кулачки, пытаясь набраться смелости и задать вопросы, что так беспокоили меня.

– Даже радостно, что день прохладный, иначе, просто невозможно терпеть здесь такое количество одежды, – он чуть потянул ворот рубашки и облокотился о каменные перила, за которыми было озерцо.

– Мистер Дюбар, что вы думаете о том человеке, что утверждает, будто вы специально пытались столкнуться со мной во время охоты? – эта тема давала мне сил не таять словно мороженное и восстановить самообладание.

– Прекрасная мисс Лора, я не думаю о нем, потому что врунишки, купленные за небольшие деньги – не редкость в нашем королевстве. Я думаю о том, кто мог нанять его, чтобы опорочить мое имя, – похоже, эта тема не поднималась ранее, и тем более, он не ожидал этого разговора от меня – ну, тем лучше – неожиданность может его напугать.

– И вас не беспокоит, что вы в этой истории в любом случае проигрываете?

– Я? В чем же? В том, что буду свободен от подобных сборищ? Я наблюдал за вами с момента вашего приезда. Если бы кто-то умел читать мысли, я поспорил бы при нем на все мое состояние, что в вашей голове еще ярче обозначена ненависть к происходящему, – он замолчал на секунду, но тут же продолжил: – и я впервые вижу в вас это отторжение, – официант, принесший на подносе фужеры, отвлек его, или он замолчал специально. Взял фужер и пытался передать его мне.

– Спасибо, я не буду, – я жестом показала, что ненужно, но это заставило его молча еще раз поднять бровь. Хорошо хоть в этот раз он не озвучил мои странности.

Нотинг заскучал от того, что его присутствие я не замечаю, но терпеливо ждал развязки беседы. Рита, похоже, нервничала немного – я видела это боковым зрением.

– Думаю, нам пора вернуться, спасибо, что составили мне компанию, – мы с Ритой выдвинулись первыми, мужчины последовали за нами.

– Следующий танец – мой, мисс Лора, только если вы не планируете танцевать с мистером Каринсом, который в одном ранге со мной, но я вынужден уступить ему в силу его возраста, – раздалось из-за плеча, Рита чуть ткнула меня пальцем в предплечье, и я передумала оборачиваться и отвечать – только прибавила шаг.

Я была рада, что Нотинг отстал, и танец с Дюбаром был единственным, что

понравилось мне на балу. Похоже, отец был прав, или я втюрилась как девчонка. Но было простительно, потому что, как выяснилось, все женские глаза были направлены на него.

Домой мы приехали, когда начало темнеть, и как только я вспомнила, что перед тем, как упасть, нужно разворошить этот муравейник на голове, мне стало только хуже. Рита старательно разбирала переплетения волос и убеждала меня не отказываться завтра от прически.

– Я знаю прическу намного лучше, поверь мне, – я молодая девушка и легкие кудри, волосы, собранные только от ушей, будут прекрасно смотреться со вторым платьем, где грудь была закрыта кружевом, переходящим в воротничок под горло.

Мы помыли голову, на мокрые волосы заплели косы, и я упала спать без мыслей и ворочающихся в голове идей. Перед глазами стоял только Дюбар.

Утром я вызвала новую волну скандала и причитаний моей матушки своим объявлением о том, что парикмахер мне не нужен, и причесываться будем сами с Ритой. Я велела подать карету, чтобы мы могли съездить в галантерею, где можно посмотреть все заколки и украшения для волос. Но встать и догнать меня она не смогла – на ее голове возводили очередной Вавилон. Косы я расплету прямо перед выездом – кудри дольше продержатся на балу.

– Рита, покажи мне, где можно купить все для волос.

– У шляпника есть все для причесок, но это в нижнем городе, за крепостью. Дороги примерно полчаса.

– Поехали прямо сейчас.

Вместе с кучером с нами ехал еще один человек, видимо, это была моя охрана. Деньги мне выдал отец и долго смеялся, радуясь, что наконец я прихожу в себя – его умиляла истерика супруги. Видимо, Лора так и делала всегда, а я как дурочка, пыталась терпеть ее и наладить отношения. Не было у меня мамы, значит она мне не полагается ни в том, ни тем более, в этом мире.

Королевский дворец на этот раз остался левее, и мы выехали из крепости. У ворот нас попросили предъявить наши документы. Рита подала бумажки, человек, одетый в кольчугу поверх плотной полотняной туники заглянул внутрь и отдал бумаги обратно. В руке у него было копьё. Мы тронулись на выезд и сразу за воротами, в низине нам открылся огромный средневековый город.

Дома были расположены по кругу, и в центре стояли самые крепкие каменные. Чем дальше от центра тем беднее были постройки. Вдали город перетекал в деревеньку и леса.

– В центре городская ратуша. Видите, круглое здание вокруг площади? В ней располагается градоправитель, суд, комнаты адвокатов, там же происходит оформление всех псирт на людей и земли, на дома и торговлю, – Рита старалась как можно больше рассказать мне, и меня радовала эта поездка – может, так я быстрее узнаю с чем едят этот мирок.

Выход из ратуши, что по сути была большим каменным кольцом с башнями вокруг большой площади, проходил через арку, после которой сразу был мост. Река делила город на две части. Наверно, город здесь вырос только из-за удобства – вода была рядом. На обеих берегах были длинные двух и трехэтажные здания. Рита сказала, что это заводы и тюрьма. Второй мост, которым пользовались горожане для перемещения между частями города был дальше центра – очень неудобно, если нужно от верхнего Валенторна, то есть нашей обители при королевском дворце, проехать в правую часть нижнего Валенторна, что находился за рекой.

Город был достаточно большим, но ему явно не хватало того шика, что был за стенами крепости.

Чем ближе мы подъезжали к городу, тем уже становились улочки и тем больше карет и повозок встречались нам по пути. Нам нужна была левая часть. Мы проехали вдоль реки, рассматривая ратушу на правом берегу – река была полноводной, с быстрым течением. На нашем берегу люди стирали белье, тут же мыли коней и набирали воду ведрами – наполняли бочки, стоящие в телегах. Не было грязно, не было запахов, но общая картина была не очень.

Мы свернули в улочку, сплошь состоящую из магазинчиков. Как же жаль, что у нас в запасе не более четырех часов. Нужно все рассмотреть, поговорить с продавцами, закупить всего нужного. Правда, я пока не знала, что мне действительно нужно – вроде все есть, но все не мое, не то. Шляпную мастерскую я заметила сама – шляпа из дерева размером с колесо висела прямо над входом.

– Добрый день, мисс, вы хотите заказать шляпку?

– Спасибо, нет, меня интересуют заколки для волос. Покажите все, что у вас есть, – я улыбнулась хозяину мастерской – здесь торгуют всегда хозяева, или их дети. У них есть мастера и подмастерья, но доверять продажу чужим людям в Валенторне не принято.

Пожилой уже мужчина, но улыбчивый и открытый, как дедушка из рекламы сока, достал три ящика, похожих на выдвижные ящики из комода. Там лежало «богатство» – так мы с подругами в детстве называли заколки, броши, кольца и прочие бусы, доставшиеся нам от бабушек, или найденные возле реки. Это были безделушки, но такие они были теплые и живые, что я чуть не заплакала.

– Рита, кстати, а у меня что, нет никаких дорогих украшений? – прошептала я девушке, что тоже склонилась над ящиками.

– Есть, но вы отказываетесь их носить, мисс Лора. Говорите, что это смешно и ненужно.

– Ясно. Что тебе здесь нравится? – похоже, мое тело принадлежало средневековой феминистке. Сейчас картина сложилась!

– Вот эти сережки с бусинами и кольцо с такими – же.

– А еще что? – это были безделушки, но у Риты так горели глаза, что я решила кроме заколок для волос купить ей подарок.

– Вот это кольцо с зеленым камушком, – она явно расслабилась и говорила то, что думает. Но я видела, как она смотрит на заколку в виде гребня. Я было хотела ее и брать, чтобы заколоть собранные сбоков волосы, но она так погладила пальцами чуть заметный ряд сверкающих прозрачных камней, что я начала выбирать себе что-то другое.

– Рита, а у меня есть жемчуг? – может быть здесь знают о нем и мне повезет?

– Да, очень красивый и дорогой.

– Белый?

– Да, он чуть светится изнутри. У вас серьги и длинная нить жемчугов, – она говорила, но глаз не могла оторвать от гребня.

– Отлично. Посмотри, вон там, – я указала на дальний угол, где стояли ткани, – есть симпатичная голубая ткань, рассмотри ее, и может там еще можно что-то взять? – она странно посмотрела на меня, но пошла.

– Пожалуйста, мне вот эти шпильки с жемчугами, серьги и кольцо с бусинами, кольцо с зеленым камнем и гребень. Только быстро заверните все, пока моя компаньонка не увидела, – я шептала мастеру и сама собирала в кучу из коробки наше «богатство».

– Пятьдесят пиров, мисс, – он подал мне два бумажных кулька, которые я тут же сунула

в свой клатч. И достала деньги, что дал мне отец. У меня было десять бумажек по сто пиров. Мда, нормальные здесь цены. Или это отец не жалеет для меня?

Мы сели в карету, и я отдала Рите ее сверток. Она не могла поверить, что так много всего я купила только для нее. Глаза у нее были на мокром месте.

– А вам денег вообще не дают?

– Только на самое необходимое по двести пиров в месяц. Это на ткани и одежду. Мисс Лора отдавала мне свои плащи для зимы, но всегда отрывала от них воротник – нам нельзя меха, можно только ткань. – она отвечала на автомате, продолжая рассматривать гребень.

– Мисс Лора, могу я попросить вас только об одном одолжении, обещаю больше ничего не просить.

– Конечно, если мы успеем управиться за три оставшихся часа, – я хотела сделать ей что-то доброе, чтобы она, наконец, почувствовала себя нужной.

– Мы можем проехать до конца города в то место, где начинается деревня?

– Да, скажи вознице, я не против посмотреть город.

Мы катили по мощеной камнем главной улице. На подъезде к деревне, в аллее из старых дубов она стала всматриваться в кусты.

– Стойте, остановите, – она прокричала вознице, и как только карета остановилась, она вышла и побежала в лес.

Я бросилась за ней – может ей срочно приспичило, так у нее, скорее всего, нет с собой ни клочка ткани или бумаги. Или, она вообще задумала убежать. Я как могла, поднимала платье и мчалась за ней в кусты.

– Рита, стой, я не могу так быстро, – я слышала, что за нами бежит охранник.

– Скажи, что мы в туалет, и пусть охранник не подходит, прошу, – она запыхавшись стояла у большого старого дерева и смотрела на меня умоляющими глазами.

– Не ходите сюда, нам нужно уединиться. Все хорошо, сейчас мы вернемся. Стойте где стоите, – прокричала я приближающемуся здоровенному мужику – он был настроен явно серьезно, но после моих слов остановился и отвернулся – я видела между кустами его спину.

– Что такое, зачем мы здесь? – я смотрела на девушку, которая зашла за дерево и пропала.

Обошла дуб и увидела, что из него торчат только ноги – чуть выше бедра в нем огромное дупло, в которое сейчас Рита опрокинулась всем телом.

– Что там? – я шептала, но она, похоже, вообще не обращала на меня внимания.

Спустя несколько секунд она вынырнула оттуда, опираясь и отталкиваясь одной рукой, а во второй руке она прижимала к груди кучу бумажек.

– Мисс Лора, вы поклялись, что не навредите мне. Вы поклялись! – голос ее был надорван, она смотрела на меня, готовая прямо сейчас расплакаться.

– Да, я обещала, но ты расскажи, что это?

– Сейчас, я сначала найду, – она села на траву и стала раскидывать бумажки сначала в две кучки. В левую ложились треугольники, в правую – бумажки, завернутые прямоугольником. Прямоугольники были явно больше и чище, а треугольники – оборвыши или вовсе – этикетки от упаковок мыла или коричневая упаковочная бумага, похожая на ту, в которую нам завернул украшения шляпник.

Она раскрывала каждый треугольник трясущимися руками, бегло читала, аккуратно сворачивала, откладывала, и брала следующий. Я боялась пошевелиться, потому что девушка торопилась. Я поняла, что она не нашла того, что искала, потому что погрузилась еще больше. Положила в общую кучу вынутый из платья прямоугольник, и собрав все бумажки, вернула их обратно в дупло. Отряхнувшись, она повела меня к карете. Охранник дождался нас, пропустил вперед и пошел следом.

– Домой, – крикнула Рита, и мы тронулись.

– Мисс Лора, это дерево – единственная связь людей, живущих там, в долине Хорма и их родни из Валентайна. Я уже месяц не была здесь, но до этого письма от родителей прекратились еще месяц назад. Они искали жилье. У отца заболели руки и спина – он не мог построить даже навес от дождя. Я хотела передать им денег, что скопила со своих оплат, но письма мои так никто и не забирает. Люди из долины иногда могут добраться сюда ночами через лес, и оставить весточку родным, иногда у кого-то получается договориться о встрече в лесу. Но писем от них больше нет.

Я не хотела сейчас еще больше ее расстроить, и обратно мы ехали молча. Я смотрела на город, на людей, что суетно носились с корзинами, ревущими малышами. Простая одежда горожан была проще, чем платья Риты. Все, кто жил в первом и втором круге – сразу за ратушей, скорее всего, могли позволить себе карету или повозку. Остальные – сводили концы с концами.

Дома нас ждал ураган «Марита», орущий и причитающий, но я просто прошла мимо нее в комнату и попросила обед. Мне начало нравиться мое новое состояние, которое я

окрестила пофигизмом. Давно, моя знакомая говорила мне забитую фразу «Нечего бояться, если это тебя не убьет», но, как сказала другая знакомая: – ты слишком близко принимаешь все к сердцу и боишься обидеть, вот на тебе и ездят все, кому не лень. Здесь за ошибку могут повесить, а за доброту – утопить, значит, хватит возить на себе.

Перекусила, и Рита расплела косы. Волосы вились от природы, но сейчас это были красивые ровные волны, которые я не стала растрясать, а просто чуть расправила руками жгуты, остальное они сделают сами. Вынула из клатча шпильки, подняла часть волос от висков, завернула в улитку и закрепила шпильками. Остальные волосы красиво падали на спину. Лицо и грудь были открыты, несколько кудряшек выбились над ушами – это придавало лицу очарования. Хватит мучиться и терпеть – у меня на эти четыре часа есть дела поинтереснее.

Рита принесла нитку жемчуга и сережки. Они, видимо, были из серебра – от уха спускался раскрытый цветок, из которого больше, чем на половину выглядывала идеальная натуральная жемчужина. С платьем богатого кремового цвета и кружевом чуть светлее – смотрелось достойно. В первые годы работы в ресторане в самом центре Москвы, я могла себе позволить многое, в том числе хорошую одежду и украшения. Алкоголь тогда был для меня лишь дополнением к этому. Девяностые годы, которые многих ввергали в нищету, подняли меня к самым верхам, а двухтысячные скинули на дно. Тогда я начала терять границы, и меня выперли из ресторана с «волчьим билетом».

Мы быстро надели платья и вышли к каретам раньше моей истерической родительницы. Отец посмотрел на меня одобряюще, попросил покрутиться, и похвалив прическу, уехал первым. Я не стала ждать мать, и мы с Ритой сели во вторую.

На балу все было примерно так же, только, начало было более прозаичным – король больше не говорил. Мы вошли в зал, где все уже танцевали. Я старалась не скользить взглядом по толпе в поиске Дюбара, но признавалась себе, что хочу его видеть.

Танцевать пришлось с Нотингом и еще одним министром, что был в подчинение у моего отца. Все шептались о моей прическе и дамы обходили меня кругом, чтобы осмотреть ее. Надеюсь, я введу новую моду – более щадящую время и голову женщин. Принц танцевал с незнакомыми мне девушками, и я была рада, что мне этого делать не обязательно. Дюбар так и не появился на балу, и я с трудом дождалась – когда отец позволит вернуться домой. Настроение было испорчено, а предвкушение от общения с ним переросло в грусть.

Нотинг же был счастлив, что ему одному можно сопровождать меня по залам и он пользовался этой возможностью не скрывая радости. Все вокруг, похоже, были уже уверены, что пара у нас сложилась, потому что я снова, как дура, боялась обидеть парня, сказав, что не стоит шляться за мной по пятам, и поддерживала его пустые темы для разговоров – только бы не вертеть головой в поисках Люка Дюбара. Да, сейчас я понимала точно – ему незачем было вредить мне – уж больно он далек от таких мелочных провокаций, и если подумать, то действительно ничего не теряет при отлучении от двора.

Вечером, пока Рита меня расплетала, я показала, как можно красиво заплести волосы, чтобы их можно было быстро и самостоятельно уложить в прическу. С такими густыми и длинными можно творить чудеса, а не строить на голове сталагмиты, которыми с разбегу можно пробить ворота. Мы продолжили обучение вечером, несмотря на усталость и плохое настроение.

Рита рассказала несколько сказок в общих чертах. На удивление, у них была другая суть, нежели у наших. Если в наших сказках побеждали труд и добро, в них было зерно мудрости,

то в здешних воспевались храбрость и жертвенность. Да, это хорошие черты, но, только если герой в конце получает хоть какой-то бонус в виде: счастья, богатства, здоровья, принцессы или принца, на худой конец. Нет, они заканчивались просто констатацией храбрости и честности, а герой мог остаться на своих бобах, а то и вовсе, умереть от кинжала злых людей или ведьминых заговоров. Суть одна – будь молодцом и умри тогда, когда даст Бог, не прибегай к помощи ведьм, потому что все равно умрешь. Налить и плакать. Но у нас другие планы.

Утром я решила погулять в саду, на Корта была легкая обида за то, что не смог поговорить о ведьмах и практически выгнал меня. В тени большого дерева я уселась с тетрадкой Лоры, чтобы начать изучать то, что она записывала так детально и подробно мелким и частым почерком.

На первых трех страницах был список людей, они оказались министрами в разных сферах. Потом были краткие характеристики этих людей, и кое-где были подчеркнуты факты, записанные, видимо, для себя. «Мистер Форк нелюдим, но честен, имеет любовницу в нижнем городе – вдову, и много денег проигрывает в карты» – девушка знала, что слабости людей должны быть ее силой. Какая занимательная тетрадь! Стало понятно, чем дышит двор короля, о котором, кстати, пока не было ни слова. Думаю, есть еще записки, которые она прятала, в том числе и от отца, уж больно она была хитра. Раз готовилась стать вторым человеком при дворе, значит, должна была иметь кучу компромата на всех. Главное оружие женщины у власти – информация и репутация, потому что первое позволяет управлять людьми, а второе не позволяет другим людям навредить ей. Общий с отцом кабинет не может быть местом, где я хранила бы такие штучки.

Я вернулась в дом, закрыла комнату изнутри на ключ и приступила к осмотру каждого угла. К вечеру я узнала, что у меня много обуви, где стоит шкапулка с драгоценностями и что пора вынести ковры с полов на солнце и потрясти. Рано утром служанки должны вынести эти пушистые пылесборники, а как только я уеду на бал – помыть всю комнату. Еще раз проверила стены, пол, матрасы и даже трубки, что играли роль гардин – ничего. Может я считаю Лору умнее, чем она была на самом деле?

На третий день бала, прежде, чем отправиться на танцы, полагалось поехать в нижний Валенторн. Специально для бала держали ожидаемое здесь всеми развлечение – казнь на главной площади. Должны были повесить человека, который работал у уважаемого в нижнем городе фабриканта, что украл большую сумму денег. Отец утром должен был поехать по делам и приехать только на бал. Нас с мамой сопровождал надоевший порядком Льюс Нотинг.

Я попросила разбудить меня чуть только рассветет, чтобы служанки убрали ковры. Рита разбудила меня с готовой чашкой кофе. Помогла одеться, накинула на меня плащ и долго ныла, что на улице еще сыро, и не стоит выходить так рано. На улице соображалось легче, да и прохладный воздух в сочетании с кофе хорошо бодрил. Я боялась смотреть казнь, но мне здесь жить.

После описания министерских «косяков» в тетради Лоры началась очень интересная глава о королевских детях. Этот вопрос больше касался принца, который как раз и должен был править и при Лоре, а значит, она должна была захватить время двух королей. После рождения принца из Валенторна были изгнаны шесть женщин и трое детей. Непонятно, были ли остальные трое беременными, значит надо считать, что сейчас за стеной есть братья и сестры будущего короля. Если выжили, то их от трех до шести. И если у Лоры на эту тему много детальных описаний, нынешний советник обеспокоен этим фактом. Как и король. Отец рассказывал это Лоре, потому что она должна знать и то, что было до нее.

Вернувшись в комнату, я обнаружила, что там старательно моют пол, причем, делали это, словно на корабле – щедро лили из ведра и размазывали тряпкой. Надеюсь, они вытрут насухо, иначе, сохнуть здесь будет несколько дней. Служанка плеснула из ведра рядом с кроватью и начала растирать воду. Я смотрела на лужу и думала о записях Лоры. Вдруг глаз зацепился за то, что лужица воды очень быстро впиталась в пол, словно там был слив, я дождалась, когда служанка протрет это место и пойдет вниз за водой, закрыла за ней дверь и стала рассматривать разномастную плитку. Она была сделана из ошлифованного камня, но швы были притерты и замазаны. В одном месте явно была видна трещина – именно туда уходила вода.

В косметичке нашла ножницы и просунула одну из режущих частей в щель, чуть наклонила – плитка вышла, но оказалось, что очень глубоко вставлена в паз. Нашла вторые ножницы для рукоделия и засунула с двух сторон и глубже, подковырнула, и подняла. Подхватила пальцами и вытянула из паза камень. Со стороны комнаты он был гладким, как и все, а вот снизу это был вполне себе булыжник. Под ним было пространство среди каменного пола глубиной сантиметров десять и шириной сантиметров двадцать. Там лежал кожаный мешок, завязанный шнурком. В дверь пытались войти. Быстро вынул мешок и установив камень на место, я засунула его в клатч и открыла дверь.

За дверью стояла глухая служанка, и показывала, что нужно пойти за ней. Я мотнула ей головой, мол, сейчас выйду, бросила клатч в единственный ящик секретера, что имел ключ, закрыла, положила ключ в карман и вышла за ней. Вот уж точно она не вовремя – там какая-то тайна, а мне нужно от нее уйти.

Она вела меня к мистеру Корту. Ничего себе, уважаемый ученый решил-таки поговорить? Просто обмениваться любезностями у меня не было времени – пора собираться

на бал. Да и мешок мне не давал покоя.

– Мисс Лора, я рад, что вы пришли, простите, что пришлось пригласить вас сюда, но мне нельзя выходить из своей комнаты.

– Знаете, мистер Корт, мне нельзя и шага ступить без моей компаньонки, но я стою здесь уже в третий раз, – я все еще была зла на него. Ученый не может быть трусишкой – боясь всего, он ничего не добьется.

– Простите, что так растерялся в последнюю нашу встречу, просто здесь не принято обсуждать законы, короля и Бога, – он стоял передо мной опустив голову, как нашкодивший парнишка.

– Я не просила вас обсуждать, я хотела узнать ваше мнение, не больше, – ну, не могла же я сказать, что я вообще ничего не знаю, и любая информация мне нужна как воздух!

– Лора, – он с улыбкой снова перешел на имена, – прошу прощения, что не доверился вам, но вы тоже должны меня понять – я и так в опасности...

– Ага, и считаете, что доверились людям, живете в их доме, но не знаете что у них на уме?

– Я хочу поговорить с вами о шифре, что вы предложили мне. Скажите, что это за знаки и знает ли их кто-то кроме вас?

– Я сама их придумала и их никто не знает. Только я одна.

– Я думаю, вам стоит доверять, тем более вы будете следующим советником – мистер Гросарио подтвердил это.

Ничего себе, то есть папуля не так жаждет отдать меня замуж, как моя мама? Значит можно не бояться ее нападок.

– Спасибо, Трой, я тоже хочу доверять вам.

– Идемте, я покажу вам, – он пошел на балкон, где лежала та же тетрадь, где я писала ему буквы. – Вот, видите, здесь я написал целое предложение.

В тетради криво были написаны знакомые мне с детства буквы. Это была родная кириллица.

– Отлично, вам понравилось?

– Да, очень! Мне пришлось выучить их наизусть, привязать каждый знак к буквам. На это у меня ушло больше суток – у меня хорошая зрительная память.

Мне, наверно, было проще – я знала оба алфавита и просто подставляла к первой их букве последнюю нашу. Кое-что я могла прочесть сразу. Но, все же, чтобы правильно расшифровать, пришлось написать два столбика. Он был прав – эти столбики должны быть в голове, иначе, грош цена такому шифру. Половину текста я перевела на память, а остальное подставила по логике

– Прекрасно! Нужно передать его вашему отцу. Теперь вы с нами, Лора!

– Ну так, расскажите мне, что вы думаете о ведьмах? – я сбавила голос, словно приглашая Троя поучаствовать в небольшом заговоре.

– Они очень сильны – спасают от смерти. Больше они ничего не могут. Поля гибнут из-за того, что их тайно чем-то поливают, или даже есть человек при короле, что имеет доступ к хранилищам и может портить семена. А может он ученый много умнее меня. Ведьмы здесь не при чем. Ведьмы много знают о нашем теле и могут его менять – лечить. Их берегут люди в долине Хорма, и ловят их тогда, когда они приходят в город.

– Но зачем они приходят, если это опасно?

– Чтобы лечить людей. Они приходят даже тогда, когда чувствуют опасность.

Ничего себе, ведьмы с клятвой Гиппократа. Нашу скорую помощь не дожدهшься, а им зарплату платят. А эти сами идут на смерть – страшную смерть.

– Откуда вы знаете это все?

– Это лишний вопрос, Лора, но думаю ты знаешь, что король тоже пользуется ими в тайне от Детей Гасиро, – последние слова он сказал мне прямо в ухо.

– Значит, они могут управлять королем?

– В какой-то мере.

– У короля армия, охрана, а у них что, молитвы? Как они могут навредить королю?

Трой на мой вопрос только улыбнулся и вдруг начал о совершенно другом:

– Как вам нынешний бал, Лора?

– Ой, мне нужно бежать. Пора выезжать, а я еще даже не причесана, извините, я уйду, – в замке орала сирена. Сначала я думала, что это пожарная сигнализация, но это была моя мамулька. Я пробежала из отцова крыла в свой, где растерянная стояла у окна Рита.

– Мисс Лора, давайте скорее, нам еще добраться до нижнего города, мистер Ноттинг уже здесь, и готов выезжать. Вы должны там быть обязательно.

Она заплетала мне волосы, а я надевала гарнитур из светлого металла и камней, прозрачных, как горный хрусталь. Платье мы надевали уже под истерику возле карет.

– Мисс Лора, вы оставили свою тетрадь, а ее можно хранить только в кабинете, – Рита подала мне Лорин дневник, но отца уже не было, и я смотрела куда его засунуть. Достала клатч, с трудом запихнула туда тетрадь – не оставить же все это здесь!

– Бежим, мисс Лора, миссис Гросарио уже выехала, а мистер Ноттинг поедет следом за вами.

Я выбежала, поблагодарила Ноттинга за то, что уравновесил припадок моей матери, и мы с Ритой тронулись. Мне не терпелось залезть в кожаный мешок – в нем явно были бумаги. Там явно все ответы на мои вопросы, и даже больше. Я боялась, что узнаю вещи, которые отвернут меня от отца, заставят ненавидеть короля и весь этот мир. Я понимала, что, будучи советником короля трудно оставаться доброй пандой, каким я сейчас считала своего отца.

Я боялась казни, словно ехала на свою. Прижимала клатч к животу, тихонько читала «Отче наш», и даже виды из окна меня не радовали. Карета въехала в арку, высадила меня возле моей мамы и ее служанки – благодаря опозданию я была «на разогреве» сегодняшнего представления. Люди смотрели и шептались, и я решила свалить это на мою новую прическу, потому что большинство женщин сегодня отказались от вымени на голове – кудри получились не у всех, но тенденция была видна в первый же день. Площадь была большой – человек двести в дорогих одеждах стояли по кругу, за ними оставалось место, чтобы смогла проехать карета, а у стен ратуши толклись городские жители.

– Почему ты заставляешь меня волноваться, Лора, – шипела мне в ухо мама.

– Потому что тебе нравится волноваться, иначе жизнь тебе кажется скучной, – прошептала я ей в ответ. Она пыхтела, но не ответила мне ничего. Рита меня тихонько ткнула пальцем в плечо – подъехал Нотинг, вышел и подошел к нам. Карета выехала и круг с горожанами сомкнулся. Посреди площади стоял эшафот – я словно смотрела фильм о средневековой казни, и не могла поверить, что это случилось со мной.

Виселица выглядела ровно так, как выглядела в фильмах – деревянная рамка с опорами, петля и высокая чурка под ней. Что там говорили о подсудимом? Своровал большую сумму денег у хозяина фабрики?

На площадь перед эшафотом вышел среднего роста и возраста мужчина в синей накидке – как у короля, видимо, это указывало на то, что он исполняет волю королевства. Рядом с ним стояли два странных человека: мужчина лет шестидесяти в обычном сюртуке и брюках, но ярко-красной рубашке, и в точно таком же облачении молодой – лет семнадцати – девятнадцати.

Втроем они шепотом переговаривались, смотрели по сторонам, словно искали кого-то взглядом. И тут к ним направился мистер Нотинг, только чуть повернув ко мне голову и поклонившись. Он то зачем там? Они передали ему бумагу, размером с альбомный лист. Он внимательно читал не отрываясь, потом ему поднесли перо, и он подписал бумагу. Толпа стала аплодировать. Он поднял ее над головой, поклонился на четыре стороны и вернулся к нам.

– Волей короля, Бога Гасиро, ради безопасности королевства Валенторн и всех его жителей, сегодня будет казнен вор, что покусился на того, кто дал ему работу, кров и хлеб. Дин Вертено, шестнадцать лет отроду, отца не знает, матери не имеет, сестер и братьев не знает, – глашатай в синей мантии старался говорить громче, так как задние ряды выкрикивали, что им не слышно.

Люди из первых рядов не стесняясь говорили громко – это был их мир, и если задние ряды что-то не слышат, то это только их проблема. Разговоры касались новых одежд, взглядов на балу. Мальчик, которого сейчас повесят не интересовал никого. Толпа у ратуши начала раздвигаться, образуя небольшой коридор к центру площади. Перед дверью в стене стоял мальчишка, которого держали за цепи, что были прикованы к рукам. Словно это Халк, и сейчас покрошит всю публику кулачищами.

Первый ряд ахнул и сдвинулся назад, конечно, такой монстр! Парнишка с досадой кусал губы, но шел, брови были точь-в-точь как брови на маске скорби. Он не то чтобы боялся, он просто не верил в то, что происходит. К судье, что озвучивал приговор, вышел мужчина –

высокий, тонкий как штакетник. Сюртук еще больше делал его похожим на червя. На голове была залысина, но бакенбарды колосились как петрушка на навозе.

– Этот мальчишка залез в мой кабинет, ударил меня и хотел забрать все деньги! Он мог убить меня, а ведь я, несмотря на то, что работник он слабый, хилый, дал ему эту работу, позволил жить в доме для рабочих и кормил наравне со взрослыми, – мужчина хотел, чтобы все смотрели на него, и сам любовался своей речью, что читал с бумаги – действительно, такой сложный текст, прямо обращение президента!

Мальчишку, тем временем, подняли на помост, где рядом с виселицей поставили большой круглый чан, к котором горел огонь. В стенках были прорези в виде пламени свечи. Что они собрались делать с огнем? Мне становилось все труднее дышать, и я уже дышала «собачкой» – короткими вдохами и выдохами, чтобы не поплохело совсем.

– Пусть виновный выскажется, чтобы Бог Гасиро услышал его и решил его судьбу! – это вякнул старик в красной рубашке. Вот оно что, это и есть «уважаемые» Дети Бога, что вершат суды. Ладно хоть дали слово сказать.

– Уважаемые мистеры, горожане, я... – парень начал говорить, но голос его так дрожал, что даже мне было практически не слышно его, хоть и стоял он в трех метрах от меня – я видела его трясущиеся губы и накатывающиеся слезы, – я правда ничего не воровал, я пришел к нему попроситься на работу хоть какую-то, а он псирты мои забрал и отправил топить печь на фабрике...

– Вы все знаете, что он подло врет, – господин жердь, что пострадал от столь ужасного чудовища, как тощий мальчишка, перебил его, и все решили, что вопрос решен и виновный сказал все. Толпа загудела, и стражники повели его к лестнице, куда уже поднялся палач. Он не носил мешка с прорезями для глаз – как в фильмах, он вообще не прятал лица.

– Пусть мальчишка договорит, вы не дали ему и слова сказать! – это прокричала я, и первыми ко мне обернулись Дети Гасиро, потом судья и эта говорящая жердь, что совершенно точно врала. – Да, да, вы дали ему слово, но слушать не стали. Бог Гасиро даже не услышал его слов – как он может судить человека?

Казалось, что за городом в деревне перестали лаять собаки, телеги и кареты за стеной встали и вода в речке перестала шуметь – тишина была такой, что я слышала, как течет кровь в моей голове, которая сначала говорит ртом, а потом думает мозгом. Лишь бы умереть теперь не сильно больно. Слева меня тыкала пальцами в бок Рита, справа сжимал руку выше локтя мистер Нотинг. Мать рядом со мной даже не моргала, и похоже, не дышала.

– Хорошо, пусть виновный договорит, – сквозь губы пролепетал один из Детей Бога, что не позволяет лечить людей.

То-то же, сволочи, думаете, что вы здесь и власть, и суд? Мы еще с вами повоюем! Я чувствовала себя как минимум Че Геварой, и надеялась на чудо и своего Бога.

– Мисс, мисс, я правда не трогал его и пальцем, почти год у него работал взаперти, ел воду с отрубями, да иногда Мирта – работница его, – он махнул головой на мистера Жердь, как я уже окрестила засранца – фабриканта, – подкидывала маленько овощей да мяса, а так умер бы давно. Думал он забыл про меня, а управляющий – собака, голодом морит, поговорить хотел, да и вылез через трубу – еле дождался чтоб остыла. И то, руки все ожег, – он поднял рукава – ладони и оба предплечья до локтя были в ужасных рубцах.

Фабрикант хотел, что – то сказать, но на это засвистели горожане из задних рядов. Пахнуло небольшим конфликтом, за который мне могло влететь, но жизнь мальчика для меня сейчас была важнее.

– Я к его приходу ждал мистера, а он меня и не вспомнил. Ну я и сказал, что в ратушу пойду и расскажу, что силой держали, голодом морили, псирты забрали, а он сказал тогда, что все сейчас отдаст, только, мол, иди за мной. Открыл свой железный шкаф, псирты мне прямо в руки отдал, и сказал, мол в карман убери, я и положил в штаны под завязь. Он денег столько достал, что я обалдел там, обрадовался, думал хоть маленько даст, а тут дверь то открылась и стражники с охраной забежали. А он как давай орать, что я хотел его ограбить и ножиком, мол, хотел его зарезать, – парень заревел навзрыд, – мисс, хоть вы то мне поверьте, раз не слышит меня Бог наш.

– Все, хватит, суд уже был, и никто не подтвердил его слова, теперь вы видите, что он врунишка? – судья громко обозначил, что разговоры закончились. В горле у меня встал ком, и я больше не смогла сказать ни слова. Рита уже в открытую сжимала мою руку, трясла ее, Нотинг чувствовал, что я могу прямо сейчас потерять сознание и поддерживал за локоть.

– Последнее слово тому, кто решит поручиться за этого преступника. У вас есть ровно столько времени, сколько он будет подниматься к петле, – парнишку подгоняли сзади, и тут до меня дошли слова судьи. В голове сразу прояснилось, тошнота отошла, значит есть решение – поручиться за него, и ему сохраняют жизнь! Почему никто не верит ему и не хочет спасти?

– Я могу поручиться за него, – я вышла вперед, оттолкнув руку, удерживающего меня мистера Нотинга. Я почувствовала, что хватка Риты ослабла, и была счастлива, что сегодня все закончится хорошо.

– Вы уверены, мисс? Если вы готовы, поднимитесь к нам, назовите себя, и повторите свое поручение! – Это молодой адепт Бога Гасиро, наконец, осмелел и вставил слово.

– Я, Лора Гросарио, единственная дочь советника короля Грегори Гросарио, подтверждаю, что готова поручиться за, – я замаялась вспоминая имя мальчишки, но адепт шепнул мне, и я продолжила, – за Дина Вертено. – я договорила, и поняла, что площадь словно замерла – перестало течь время, никто не моргал. Я посмотрела на место, где стояла несколько минут назад, но не увидела Риту. Мама стояла белая как стена, а мистер Нотинг готов был заплакать.

– Мисс Лора, передайте нам свои псирты, – судья поднимался на помост как будто это была его казнь. Да что с ними всеми случилось, не за Чикатило же я поручилась, а за ребенка, которого можно отправить ухаживать за лошадьми – он всю жизнь будет верным работником.

Я аккуратно вынула бумагу из клатча, стараясь не показать его содержимого и передала судье. Неужели они в лицо не знают дочь советника самого короля, что им требуются документы?

– Дин Вертено, прошу передать ваши псирты, – судья обернулся к парню, который стоял как тень, только огромные – в пол лица глаза иногда моргали.

Солдаты не стали ждать, достали из карманов его штанов бумагу и передали судье.

Тот осмотрел обе бумаги и бросил их в горящий мангал – вот на что походил этот предмет. Мангал с такими огоньками сварил деду его друг, и вечерами, эти оранжевые язычки пламени сквозь отверстия в железе напоминали сказочные, взлетающие в воздух огни.

– Лора Гросарио, отныне вы лишены своего имени, семьи, титулов и права проживать в королевстве Валенторн. Дин Вертено, вы лишены имени и права проживать в королевстве Валенторн. Сейчас вы покидаете площадь в повозке – солдаты проводят вас за ворота, –

судья, похоже, сам не понимал – что происходит, и хотел быстрее закончить это.

Тут я увидела Риту – она лежала на полу в пыли, и никто не собирался ей помочь. Больше я не помнила ничего...

Телега остановилась, проехав чуть больше трехсот метров за воротами и остановилась. Нам с Динем развязали руки и велели проваливать. Он ткнул меня в плечо, чтобы я опомнилась и помог спуститься. Повозка развернулась и покатила в сторону города, дорога в который мне теперь была закрыта. Мы стояли перед большим полем, на котором вырубалась малейшая поросль – обзор с крепости должен быть как можно больше. Лес начинался в двух километрах, не меньше. Хотелось пить и спать. Глаза просто закрывались.

– Мисс, мисс, не садитесь, нам до темна надо найти место – где ночевать. До Хорма идти не меньше трех дней. Что же вы решили поручаться за меня, а к походу не готовы, – он поддерживал меня под руку, боясь, что я упаду.

– Я не знала, Дин. Я не знала, я думала, что поручиться, это взять ответственность за тебя, – слова давались с трудом, но надо собрать все силы и идти. Платье весило, как будто сорок килограмм и идти в нем по пыльной дороге было сложно. Надо его снять.

– Вот и взяли ее, ответственность, – Дин мялся и опускал глаза.

Нижние юбки были плотные и пышные, и их было три. Я впервые возрадовалась этому. Кучу пуговиц на спине мне расстегнул Дин. Просить отвернулся его не пришлось. Платье я сняла и плотно свернула. Одну юбку я сняла, по низу завязала узлом – получился мешок. Положила в него платье затянула туго шнурок, который был вставлен в пояс. Края шнурка связала – теперь это отличный заплечный мешок. Вторую юбку подняла вверх, отметила сколько нужно оставить до плеч. Оторвала от подола широкую полосу. Поднятый конец юбки завязала на обоих плечах. Теперь у меня был комплект, в котором не жарко, но руки были открыты.

Оторванный кусок разорвала пополам – получилось два тряпичных кольца. Один убрала в мешок, второй разорвала по шву и привязала к углам клатча, чтобы он стал сумочкой. Перекинула через голову под рубашкой и спустила клатч под юбку – чтобы не привлекал лишнего внимания. Все украшения тоже сложила в сумочку. Под юбкой со складками она была незаметна.

– О, вы теперь как нищенка, только вот волосы очень чистые, мисс, – пацан, наконец, улыбнулся.

– Идем искать воду, – продела руку в шнурок и закинула котомку на плечо.

– Давайте я понесу, мисс, – Дин настойчиво попросил отдать ему суму, – я не убегу, не бойтесь, вы из-за меня вообще всего лишились, целая дочь советника была, а осталась девкой с мешком тряпок. Тут и украшения не продашь – кому они нужны, когда поесть нечего.

– Дин, давай скорее воду найдем, не могу больше, боюсь, сознание потеряю.

– Только вот быстро идти вы не можете – вижу, вам не хорошо. Опирайтесь на меня, вы не смотрите, что я тощий да маленький, я знаю какой сильный! Я один печи топил на фабрике. Их в подземелье восемь штук. Пока не топил – телеги с дровами разгружал. Кормили бы, может и не исхудал даже.

К лесу он меня почти подтащил – перед глазами были блестящие мушки. Наверно, давление упало. Пока с Троем болтала, пока собиралась на бал, а поесть так и не успела.

Как вошли в лес, Дин усадил меня под дерево. Снял с себя рваную рубаху и накрыл мне плечи.

– Посидите, я воду найду, – шмыгая носом буркнул мальчишка и убежал. Убежал с моим

мешком. Да на кой черт ему платье мое. Да и все равно уже, лишь бы водички – во рту была пустыня – горло слипалось от каждой попытки сглотнуть.

Нашла под рукой листья и сорвав все, до чего дотянулась зажевала их, пытаюсь получить хоть каплю сока. Они горчили, но во рту стало приятнее и губы стали чуть влажными. Сквозь сон я слышала, как Дин издали кричит мне:

– Не пугайтесь, это я иду!

А потом он заливал мне в рот воду, я жадно пила, но не могла разлепить глаза. Интересно, в чем он ее принес?

Проснулась от того, что было холодно. Солнце уже село. Рядом со мной, свернувшись клубочком, спал Дин. Он был без рубашки – она укрывала мои плечи. Лежал он на куче лапника и, видимо, пытался накрыться прямо им. Он был такой тощий, что позвонки были видны отчетливо даже в темноте. Он младше меня на год, а выглядит как двенадцатилетний. Я развязала сумку, которую он даже под голову побоялся подложить – она лежала у меня на коленях.

Достала свое нарядное бальное платье, в котором сегодня я должна была блистать при дворе, а не валяться в лесу, легла рядом с ним и укрыла нам плечи двумя слоями юбки. Заснула я сразу, как только согрелись плечи.

– Мисс, мисс, пора вставать, пора идти, а то до Харма еще шагать и шагать. До темна надо перейти лес, чтобы на той стороне уже ночевать, – Дин тряс меня за плечо, а я с трудом вспомнила вчерашнее.

– О! Я думала проснусь дома, подожди, дай в кусты схожу. Попить у нас есть? – я с трудом встала. Солнце только начало подниматься и было сыро.

– Дык, я вам воду вот в корочке принес, три раза бегал – у нас ни кружки, ни ножа нет. Кору вот свернул, да пока бежал, половина протекала.

– Идем к ручью, раз так, – в лесок проще свернуть по дороге. свернула платье и положила в свою суму, которая, похоже, грозила мне и во второй жизни – от судьбы не уйдешь.

Ручей был недалеко. Мы попили, умылись. И шли сквозь лес. Очень светлый лес – в таких, обычно, белые грибы растут, а их можно есть сырыми. Есть хотелось сильно, но говорить об этом с пацаном, которого морили голодом у меня язык не поворачивался.

– Дин, а это еще не долина Харма? Что такое Харм?

– Харм, это деревня большая. Там горы, и между ними долины огроооомные, одну такую можно идти два дня.

– Там много людей? Что они там делают, есть там король?

– Много, только с трудом могут найти еды, вот и выживают все вместе. Землю пахут, хлеб растят, только мало все время. Нет там никакого короля – все одинаковые.

– А ты откуда знаешь, у тебя ведь псирты были.

– Да ходил я туда, когда мать умерла, думал, отца найду. Вышел из города, псирты закопал в лесу и пошел. Так и вернулся, только три дня пришлось в лесу просидеть – солдаты часто там ходят.

– А поближе к Валенторну нельзя остаться?

– Не, мисс, тут бандитов шайки. Они тут вокруг города кучкуются – городские и деревенские из Валенторна плохо жить стали – мало еды, и начали в леса ходить за птицей да грибами. Так они у них псирты воруют, чтоб в город вернуться, а у кого нет – просто человека забирают, мол, письмо от тебя напишем, пусть денег несут.

– Ничего себе, какой произвол.

– Вот-вот, надо скорее уходить от сюда. В двух днях дороги уже безопасно, а пока надо идти быстро, – парень, видимо не преувеличивал, шел резво, и меня подтаскивал, когда сбавляла темп в поисках грибов или ягод.

Мы дошли до конца леса, когда уже стемнело. Ни одной поганки – не сезон тут что ли? Выбрали высокое место и пошли ломать лапник. Если будет дождь, нам придется промокнуть, но строить нечем, даже ножа нет. Ломали руками и тащили в кучу, легли и накрылись платьем. Желудок, о котором здесь нельзя упоминать, предательски урчал. Интересно, а когда у них урчит от голода, как они это называют? Или в Валенторне не урчит?

Я проснулась, когда было еще темно, Дин не спал тоже. Он сидел у дерева и жевал какую-то траву – длинные палки, которые сильно хрустели. Хотелось есть.

– Вкусно?

– Да так, непонятно, мисс, попробуйте. Но эти хоть не горькие.

– Как думаешь, долго до утра?

– Думаю, нет. Но спать я точно больше не хочу. Можем тихонько идти. Воду надо найти. Тут места уже я знаю. Это от Валенторна я уходил с другого места, а конец леса тот-же. Нам вон туда, – он указал в темноту, где небо чуть начало светлеть у горизонта, на котором был хорошо виден абрис гор. – Вот за теми горами и есть долина Харма.

Я жевала полую ветку какого-то растения, похожего на ревеня, что покупала весной на рынке для супа. Если не кобениться и думать о том, что это еда, то нормально.

– Так зачем вы, мисс, поручились за меня?

– Я же говорю, не знала, что выгонят.

– А знали бы? Не стали?

– Честно? Не знаю.

– Я конечно рад, что живым остался, но теперь, получается, обязан вас пристроить, раз из-за меня все, – парнишка шел впереди меня и не поворачивался. Мне было все равно, что он думает обо мне, потому что мне сейчас было страшно, и я не видела выхода из ситуации.

– Ничего ты мне не обязан, Дик. Раз дура, значит сама должна расхлебывать. Главное – до деревни доведи, потому что в лесу я точно боюсь одна остаться.

– Доведу, доведу, не переживайте. Я вас замуж отдам хорошо, пристрою.

– А вот это не надо, я сама.

– А чего это сама? Ты сама даже ложку не поднимала, не то что хозяйство содержать, неожиданно он перешел на «ты», но я решила не обращать на это внимание.

– Не переживай, я много чего умею.

– Вы не обижайтесь, но нам надо друг друга без мистеров всяких звать. А то вас не шибко люди любят.

– Как хочешь, так называй.

– Сестрой моей будешь. А имя какое у тебя? Я тогда на площади не слышал ничего, одурел от радости, что поживу еще, – он обернулся и хмыкнул.

– Лора Гросарио...

– Не, Не, они же сказали, забудь свою семью, и имя. Теперь ты просто Лора. Лора из Харма. Если там есть уже Лора, ты будешь «Лора из Харма, которая пришла с Диком», – он чуть остановился и показал мне молчать, приложив указательный палец к губам.

Я встала столбом. Кто их знает, может там мина какая средневековая или он услышал головорезов, но он смотрел под ноги. Я тихонько подошла и посмотрела туда же. Там было гнездо с четырьмя небольшими яичками.

– Святая яишница, а чего молчать то? Думаешь, их мать – кукушка сейчас нападет на нас и заклюет до смерти? – я засмеялась и наклонилась к гнезду.

– Не надо их трогать, – парень говорил очень серьезно, словно речь шла о том, что я собиралась вырезать деревню со стариками и детьми, а он встал на их защиту грудью.

– Мы их быстренько выпьем и все, Дин. А скорлупу заберем, чтобы родители подумали, что они улетели и счастливы в другом месте, работают в офисе на пятидневке и взяли ипотеку. Все хэппи энд, – я протянула руку, но он оттолкнул ее. Я посмотрела на него серьезно.

– Мы не наедемся все равно, а птичка, которая сейчас, наверно, наблюдает за нами, будет благодарна, что оставили ее деток в живых...

– Ага, и она нам за это подарит бессмертие в конце сказки, или спасет от людоеда...

– От кого?

– От кого надо... идем, Дроздов средневековый, свалился на мою голову, доброта незатейливая, – я не верила в то, что парень, перенеся столько в жизни, остался добрым и

ранимым. Такими темпами, если он будет моей совестью, далеко мы не уйдем.

Мы выдвинулись дальше. Шли с короткими привалами. Нам нужно было дойти до гор, ну, или, хотя бы до предгорья – там было безопасно. Мелкие речушки и ручьи текли навстречу нам и уже к вечеру я почувствовала, что начался небольшой склон, в который приходилось подниматься.

К склону мы пришли позже, чем планировали, потому что останавливались у речки, чтобы искупаться, а потом обсохнуть на солнце. У склона росли ягоды – огромная поляна ярко-желтых, похожих на клубнику шариков. Дин тоже не знал, что это за ягоды, но мы решили перекусить – ползали на коленях и горстями ели ее до самой темноты. Спать решили у редких кустов, что росли здесь у ручья. Пока я разбирала вещи, доставала платье, Дин обрывал зеленые ветки, чтобы хоть немного накидать на землю, и тут я услышала его крик:

– Лора, скорее, бери все вещи и иди сюда, смотри, что я нашел! – я видела его метрах в ста, у других кустов, взяла сумку, закинула платье на плечо и пошла к нему.

Он показывал на костровище, что осталось от прежних путников, но самой хорошей новостью оказалось, что рядом с ним лежало кресало и ржавый нож. Они были под налетом прошлогодней травы – видимо, пролежали здесь минувшую зиму.

– Ну наконец-то у нас будет костер, и спать будет теплее. Тут утром туманы, нас сегодня ночью платье не спасло бы. Идем собирать дрова. Хороший сегодня вечер – и поели, и огонь будет!

– Это, наверно, твои птички нам подарок сделали, – не без иронии ответила я Дину.

– Не, не они, нож тяжелый – они бы не подняли, – совершенно серьезно ответил Дин.

Мы подкидывали ветки в костер, и от того, что можно было посидеть и порадоваться за сегодняшний день, спать не хотелось. Внутренне я смирилась со случившимся, но было страшновато – что же ждет нас в Хорме, как мы переживем осень и зиму. Это сейчас – начало лета, но время пролетит быстро.

Утром Дин разбудил меня рано. Кроме темноты, подножие гор застилал плотный, как простокваша, туман. Влажность была стопроцентной. Внутри этой белой пелены кружили мелкие капельки воды и мгновенно впитывались в одежду. Костер потух и Дин пытался его раздуть. Ветки были мокрыми, словно дождь шел несколько дней.

– Лежать сейчас нельзя, а то встанешь с жаром. Это кажется, что сейчас тепло – Сыро будет еще часов пять. Надо двигаться, только идти будешь прямо следом за мной, возьмешься за рубаху и пойдем. Через час подъема будет сухо, – он бросил затею с костром и начал закидывать вещи в мешок. Кресало и нож положил в карман штанов.

Подъем был не очень крутой, но идти было тяжело – юбка была мокрой насквозь. Выслушав все возражения Дика, что, мол, это некрасиво, я все равно, завязала ее узлом выше колена и сразу пошла быстрее. Сырость, усталость и голод делали из меня психопатку, которой в тумане постоянно мерещились тени и образы. Оглядывалась я каждую минуту.

– Дик, тебе не кажется, что за нами кто-то идет? – я говорила шепотом и при этом дергала его рубаху, за которую держалась, и пыталась поймать, как только она выскользнула у меня из рук. Дальше руки не было видно ничего.

– Нет, не кажется. Все нормально, ты просто трусиха, – Дин говорил специально громко и хохотал как пират. – Еще немного и мы выйдем из тумана на сухой склон. Там и посидим, обсохнем. Если бы не ягоды, вчера могли сюда подняться. Но они хорошие, правда? Никогда таких не ел.

– Хорошие, хорошие, но мне все равно страшно – тут кто-то есть, Дин, я слышу, как они

дышат и мне страшно, – сначала я думала, что мне кажется, но потом я услышала более отчетливо, как дышат люди – тяжело и натужно, а потом сглатывают, чтобы смочить горло. Шагов не слышно, но ведь следов Дина я тоже не слышу – трава мягкая, влажная, веток нет – ничего не хрустит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Купить полную версию книги - <https://knigoed.net/url/5o6>